

Николай Самуйлов

ПИЛОТ МАШИНЫ ВРЕМЕНИ

Книга первая. Утопия по-королевски

Николай Самуилов

**Пилот Машины времени. Книга
первая. Утопия по-королевски**

«Издательские решения»

Самуйлов Н.

Пилот Машины времени. Книга первая. Утопия по-королевски /
Н. Самуйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859950-7

К начальнику Управления галактической безопасности адмиралу Маринеску обращается профессор Поль Депрези с просьбой найти его дочь Николь — пилота первой Машины времени, отправленной учёными в 1941 год. Николь затерялась во времени. Вместо неё в вернувшемся в институт модуле оказались «аборигены» из дикого 20-го века. Адмирал поручает расследование по «Делу об исчезновении Николь Депрези» полковнику Хасану, который начинает его с поисков тех самых «аборигенов», угнавших модуль Машины времени.

ISBN 978-5-44-859950-7

© Самуйлов Н.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая.	6
Глава первая	6
Приложение первое.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пилот Машины времени

Книга первая. Утопия по-королевски

Николай Самуйлов

Вселенная знает, как будет лучше.

*Рано или поздно она сведёт нас с нужными людьми и разведёт
с ненужными.*

Будда

© Николай Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-9950-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Утопия по-королевски

*Время – материя, из
которой состоит жизнь.
Бенджамин Франклин*

Глава первая Адмирал, которого любит Королева Марго

1

Пятница для адмирала Маринеску заканчивалась суетно, с предчувствием чего-то неприятного, притаившегося за спиной.

К тому же его персональный софийский Кот, обычно слоняющийся по кабинету или лежащий на коврике в свободном от мебели углу, куда-то исчез. До обеда он сидел на базальтовой лавке у выхода на веранду и смотрел на парящих над сопками местных кондоров. Потом не спеша обошёл кабинет по периметру, словно прощался с давно обжитыми углами, и, наконец, «растворился» под рабочим столом.

Из-за занятости адмирал не сразу обратил на это внимание. Даже появившийся в отсутствие Кота вакуум комфорта он определил, как усталость.

Каскад информационных донесений от подчинённых, изливающийся с экрана персонального собеседника Управления галактической безопасности, к вечеру воспринимался без надлежащего внимания. Это, несомненно, притупляло чувство ответственности за принимаемые по документам решения.

Естественное желание — зафиксировать последнее резюме в очередном отчёте и покинуть Управление вместе с коллективом, наконец-то одержало победу.

Основная масса подчинённых уже воспользовалась кабинами телепортов, устремившись к семейным очагам. Отдав необходимые распоряжения дежурной смене, адмирал встал из кресла, походил по жёсткому зелёному ковру, разминая затекшие ноги, и уже собрался покинуть кабинет. Но в это время перед ним «проявился» фантом бригадного генерала Фишера — помощника Министра безопасности Европейского отдела Галактической конфедерации.

Фишер «вошёл» неожиданно, не предупредив о визите. Он не стал заслушивать доклад о состоянии дел в Управлении и взмахом руки остановил адмирала на первом слове стандартного рапорта. Его не интересовали отчёты по законченным делам, находящимся в производстве УГБ, и объяснительные доклады по «провальным агентурным ситуациям» на планетах Арабспейса, за которые офицеры Управления и сам адмирал Маринеску периодически получали от Министра замечания и взыскания.

Фантом генерала окинул взглядом «каменные палаты» начальника Управления и извинился, сославшись на занятость и, соответственно, на отсутствие времени для «детального обсуждения служебных вопросов». Бесшумно преодолев несколько метров по ворсистому ковру, остановился напротив Маринеску и спокойно объявил хозяину кабинета о согласии Министра галактической безопасности на прошение адмирала об его отставке с занимаемого поста, согласно устной просьбе, озвученной на одном из совещаний.

В тот день просьба адмирала не была удовлетворена. Однако Министр не забыл сделать отметку в рабочем календаре, зафиксировав тем самым желание подчинённого...

Перед выходом из телепортанной связи, Фишер предложил Маринеску подать официальный рапорт о добровольном прекращении служебного контракта. Почти растворившийся в «базальтовом полумраке» фантом генерала таинственным шёпотом добавил:

– Грядёт великая война, уважаемый коллега! Галактической конфедерации скоро понадобятся неотягощённые интеллектом мальчишки, которые согласятся поменять свои бранные тела и бессмертные души на пару тысяч галактических чеков. И конфедерации уже требуются молодые и отважные командиры для этих бесшабашных рекрутов, которые не будут задавать вопросы, о том, кому нужна творимая политиками и олигархами мясорубка. А мы, Ион, в этом грязном деле окажемся лишними. Лично я уже написал свой рапорт. Ты можешь немного потянуть резину под предлогом передачи дел преемнику, но лучше не злить шефа!..

...Наступило утро выходного дня.

Перед пробуждением адмиралу приснилась Королева Скандии Маргарет. Не юная красавица из далёкого прошлого, чей говорящий портрет постоянно находится на рабочем столе, а уже немолодая дама, какой она является сейчас.

Во сне адмиралу взгрустнулось. Ему захотелось вернуться в безвозвратно ушедшую молодость и остаться рядом с той, совсем юной и безумно влюбленной в лейтенанта принцессой...

Адмирал открыл глаза, и долго смотрел на потолок спальни. Томная дымка сновидения растаяла, словно туман при первом соприкосновении с лучами солнца.

На голографической поверхности потолочного свода звёздным обручем светился Млечный путь. В центре небосвода парило светло-розовое облако, на фоне которого проплывала стая птиц. Соскальзывая с облака в ночную тьму, птицы растворялись среди звёзд.

Адмиралу подумалось, что он тоже скоро исчезнет с облака активной жизни и превратится в едва мерцающую точку на фоне виртуального множества человеческих судеб...

Вспомнился вчерашний визит посланника из министерства и неприятное предчувствие, его предсказавшее. И нежиться около посапывающей Марты расхотелось. У адмирала снова возникло ощущение, что и сегодня, в его выходной, что-то должно произойти...

Самое неприятное и подсознательно ожидаемое событие случилось вчера. Однако рапорт ещё не написан и не отправлен памятливому Министру. Следовательно, он в данное время не в отставке...

Адмирал осторожно, стараясь не потревожить жену, откинул одеяло, сел на край кровати и пошарил ногами по ковру. Шлёпанцы были на месте.

– Ион, – сказала Марта, поворачиваясь к адмиралу, – сегодня у тебя выходной. Ты мог бы поспать лишний часик!

«И в самом деле, – подумал адмирал. – Старею. Каждый раз просыпаюсь, ни свет, ни заря, а вернуться ко сну уже не могу».

– Спи, Марта. А я прогуляюсь по парку. К завтраку буду.

Марта приподнялась и с тревогой посмотрела на мужа.

– Ион, взгляни на показания браслета... Тебе нездоровится?

– У меня всё в норме, Марта! И давление, и зрение, и утренний стул!..

Марта осуждающе покачала головой и отвернулась.

«Вот получу отставку, и ты больше не будешь задавать мне глупые вопросы, – подумал адмирал и потёр длинными сухими пальцами виски, затем обошёл кровать и посмотрел на спящую супругу. – Потому что тебя больше не будет рядом со мной. Тебя возвратят в банк „клон-резектов“, как табельное имущество, полученное на период службы... Фу, дьявольщина!..»

Адмиралу было неприятно думать об этом.

Красивое, совсем юное личико Марты почти не изменилось за долгие годы совместной жизни. А он из молодого и весёлого лейтенанта-ловеласа давно превратился в докучливого старика.

Адмирал прогнал мрачные мысли и бесшумно подошёл к распахнутому настежь окну. Полюбовался успокаивающим утренним пейзажем, ещё не тронутым лучами звезды. И только тут обратил внимание на Кота, сидящего на подоконнике.

Это был его персональный Кот – Кот адмирала Иона Маринеску.

У Марты тоже имелся личный софийский зверь, ежедневно приходящий в дом, чтобы присутствовать во время утренних туалетов и вечерних прогулок по парку. За «подглядывание» домашние бионы прозвали Кота супруги «мартовским», что соответствовало названию «кошачьего» месяца и имени хозяйки.

Маринеску присел на подоконник, рядом с персональным существом. Круглые уши животного напряглись. Усатая мордочка встрепелась и повернулась к хозяину. Длинная шея позволяла Коту поворачивать голову на 180 градусов. Огромные серые глаза излучали волны преданности и таинственности.

Эта таинственность в поведении существ знакома каждому жителю планеты София. Многие софийцы чувствуют её воздействие и воспринимают как подсказку, или намёк на нечто, что обязательно случится в ближайшее время. Следовало лишь догадываться, что же произойдёт вслед за демонстрацией подобного «сигнала», предназначенного хозяину.

Адмирал погладил животное. Кот от полученного удовольствия зажмурился, повернулся к окну и принялся рассматривать зелёный луг и простиравшуюся за ним клубящуюся могучими кронами дубраву.

На лугу паслись лошади. Выглянувшая из-за дубравы Альфа ещё не коснулась золотыми лучами росной травы, но уже обрызгала нежным светом оранжевых скакунов. Кот встрепелся и вытянул и без того длинную шею. Видимо его поразила перемена в окрасе животных.

Одновременно, словно вторя возникшим предчувствиям, в груди у Маринеску колыхнулось что-то томное, ранее не проявлявшееся, и отдалось пульсирующим шорохом в ушах. Кот намекал на какие-то перемены.

«Наверное, будут гости, – подумал адмирал, – и пропадёт мой долгожданный выходной! Ещё ни разу „ваша светлость“ не ошибалась, сигнализируя мне о не назначенных встречах или странных событиях, которые обязательно произойдут в скором времени...»

Маринеску ещё раз взглянул на посапывающую Марту, и решил отметить наступающее утро пробежкой по парку. Во время утреннего кросса он любил о чём-нибудь поразмышлять. Просто так, без особого напряжения мозга. Например, о проблемах, возникающих на службе – будь они неладны! Или о политике галактических альянсов, втягивающих в гонку вооружений развивающиеся планеты.

Было бы неплохо составить мысленное резюме о новом спектакле, идущем в столичном театре. Но Ион уже год не посещал культурный центр софийской столицы. Думать же о политике, а, тем более, о работе, после вчерашнего визита Фишера, особого желания не возникало...

И адмирал решил посвятить утро загадочным животным, «приставленным» природой планеты София людям, ворвавшимся почти два века назад во владения этих удивительных существ...

2

Ноуменом* «софийских Котов» в своё время занималась Комиссия по контактам и космической безопасности при правительстве Евро-галактической конфедерации.

– Ноумен – непознаваемая «вещь в себе» в философии Канта.

Сто семьдесят лет назад Колониальный корпус барона Максима Вайнгартена высадился на четвёртую планету системы Акамар, названную впоследствии Софией. Через месяц первые поселенцы столкнулись со странными и необъяснимыми явлениями, происходившими с людьми при непосредственном контакте с органической жизнью на планете. Это касалось только представителей фауны. Некоторые животные, а их в софийских джунглях водилось предостаточно, оказались совершенно недоступными для детального изучения астробиологами. Сразу же сложилось мнение, что хозяева планеты «предвидят» агрессивные намерения пришельцев, и каждый раз предупреждают их. Ни одно софийское существо до настоящего времени не стало предметом исследования учёными или жертвой браконьера. Они исчезают из поля зрения и даже из ловушек, не имеющих «обратного хода». Много чего говорилось и писалось в те далёкие времена о Софии, о её «призрачном» животном мире. Однако новых сведений о нем до сих пор не прибавилось. Люди знают о существах только то, что видят их глаза.

Учёные галактики до настоящего времени пытаются разгадать тайну «естественной телепортации» отдельных особей, живущих на планете София.

Но, «созерцая» издали, много ли увидишь?

Самыми странными и таинственными в этом мире оказались зверушки, похожие на земных котов. Коты в поле зрения исследователей появились не сразу.

В самом начале экспансии на Софию было «слово». Вернее, имелся стандартный план по изучению космических объектов с признаками органической жизни. Узаконенное табу на вмешательство в разумную инопланетную деятельность уже имело силу. Инспектор Комиссии по контактам всегда находился рядом. И в экспедиции Максима Вайнгартена «неприкасаемый» авторитет из ЕГК так же присутствовал.

Роботы-разведчики, внедрённые на планету первыми, просканировали атмосферу, почву, воду и выдали на борт флагманского корабля необходимую информацию. София оказалась двойником Земли. Её атмосфера мало чем отличалась от привычного для людей газового «коктейля» и не нуждалась в «перестройке». Агрессии со стороны флоры и фауны не наблюдалось. Для более пристального изучения планеты требовался непосредственный контакт с ней специалистов различных направлений. Таковые в экспедиции имелись. И они сразу приступили к работе.

Группа исследователей во главе с бароном высадилась на Софию следом за роботами. Используя лёгкие дыхательные маски с биофильтрами, земляне приступили к тщательному изучению окружающего пространства, а также подробному сканированию суши на предмет выявления залежей металлосодержащих руд, газа, нефти, угля.

В геологическом аспекте ничего особенного на планете не обнаружили. Всего понемножку, но не для промышленных разработок.

Планета имела нормальный радиационный фон. Микроорганизмы, обитающие в различных средах, агрессии не проявляли. Биологам оставалось составить точную формулу карантинных антибиотиков и дать «добро» новым колонистам-аграриям на освоение плодородных земель.

Учёным предстояло изучить: подводный мир, местные джунгли, воздушный океан, кишасшие плавающими, ползающими, летающими и прочими представителями фауны.

Посёлок для исследователей построили на берегу океана, среди красивых прибрежных скал. Он состоял из десятка многоместных коттеджей, прозванных исследователями «бараками», и пяти одноместных «хижин» для связистов и начальников направлений.

Барону Вайнгартену предоставили один из домиков, в котором можно было существовать в нормальных земных условиях, без биомаски и без назойливых соседей.

В спокойном уединении к барону приходили самые удивительные мысли, которые он аккуратно записывал, создавая «почву» для очередной научно-популярной статьи. И только что построенная «хижина» могла оказаться идеальным уголком, где и работалось, и отдыхалось весьма продуктивно, в отличие от галдящих «бараков», среди коллег, уничтожающих в свободное от работы время запасы спиртных напитков.

Однажды, после скучнейшего занятия – сканирования прибрежной зоны, голодный и уставший, барон вошёл в ещё необжитое жилище, оборудованное специально для него, командира колониального корпуса. Взглянув на пищевой синтезатор, готовый принять заказ на ужин, с трудом снял рабочий комбинезон и рухнул на заранее приготовленный надувной матрац. Усталость поборола желание подкрепиться питательным бульоном. И барон уснул...

И приснился ему необычный сон (многократно задокументированный инспекторами комиссии по контактам, психологами, психиатрами и другими сотрудниками корпуса).

...Бескрайняя равнина, покрытая синей травой. Могучие многоствольные деревья-кусты. Чистое голубое небо. И сам барон Вайнгартен, лежащий на земле...

Подобные пейзажи барону приходилось видеть наяву, на материках и островных территориях планеты. На «синие» лесостепи исследователи особого внимания пока не обращали. Всему своё время. Но этот сон показал учёному странную картину. Кусты, возвышавшиеся под голубым небом на десятки метров, были усеяны огромными гроздьями красных «бананов». А почва под кустами и всё обозримое пространство лесостепи кишело огромными гусеницами. Эти «твари» ползали всюду, в неопределимо огромном количестве. Они шустро внедрялись в рыхлую почву и выныривали из земляных нор, шевеля блестящими хитиновыми наростами, над серыми головками.

...Гусеницы, заметившие лежащего на земле барона, норовили пробраться к нему в рот, и при этом больно царапались неисчислимыми ножками. А он безуспешно пробовал отвернуться, но неведомая сила позволяла противным существам достигнуть цели. Барон отдувался, отворачивался и даже пробовал укусить настырных «червяков».

...Вкус попавшего в рот кусочка гусеницы напомнил Максиму индейку, приготовленную мамой, перед отлётом экспедиции к Альфе Эридана.

...Одновременно, с деревьев стали падать красные «банановые» рожки полуметровой длины и тоже норовили внедриться сквозь сжатые зубы в рот, обдавая обоняние то запахами любимого граната, то пьянящими ароматами клубники, киви и ананаса. Даже вкус малосоленой рыбы промелькнул в этом необычном сне. Но рыбные блюда барон не любил. И в бесконечном каскаде манящих к себе запахов и вкусовых ощущений рыба больше не проявлялась. Назойливые гусеницы быстро пожирали сваливавшиеся с кустов бананы и снова касались головами губ пленённого сном барона, стараясь проникнуть внутрь... в рот... в желудок!

Барон проснулся измученным, словно рыцарь после турнира.

Он даже вскрикнул, избавляясь от только что навалившегося на него кошмара.

«Неужели я так сильно проголодался, – подумал Вайнгартен, – что готов полакомиться ужасными червяками!? Фу, какая мерзость!»

В изолированном от внешнего мира домике было темно и прохладно. Вскочив с нагретого ложа, Вайнгартен включил свет и хотел пройти в санитарный блок для принятия душа. Каково же было удивление мужественного первооткрывателя новых планет, когда его взору предстал сидящий возле надувного матраца огромный серый котик, вылизывающий на груди и без того сияющую чистотой шерсть. Зверь напоминал обычного земного короткошерстного кота, но размером с канадскую лайку. Пушистый хвост незваного гостя, по-кошачьему, обвивал четыре сильные лапы. На длинной шее гордо возвышалась голова с круглыми ушными раковинами. Серые глаза с чёрными зрачками украшали круглую кошачью морду, усатую и зубастую. Взгляд существа, сверкнувший на мгновение «фосфором», не был хищным. Но, возбуждён-

ному барону некогда было разбираться в физиологических особенностях аборигена. И он, как был в нижнем белье, мгновенно оказался на свежем воздухе. Под шум волн ночного океана, разбрасывая босыми ногами прибрежную гальку, Вайнгартен мгновенно добежал до ближайшего барака и принялся стучать и кричать, взывая о помощи.

Дрожащего, мокрого и заикающегося командира впустили внутрь, через переходной тамбур, согласно Инструкции о соблюдении карантина.

Продезинфицированный барон с трудом объяснил коллегам истинность своего поступка.

Неделю спустя этим делом занялась оперативная группа инспекторов Комиссии по контактам.

Свой странный сон и встречу с Котом барону пришлось рассказывать десятки раз представителям разных профессий.

Сновидения, до сих пор не изученные до конца, как само собой разумеющееся состояние человеческого мозга, «высоколобые представители человечества» всегда объясняли по-разному. А сон Вайнгартена истолковали, как результат обычной усталости, приобретённой неутомимым исследователем мало изученных планет в трудах праведных. Влияние аномальных проявлений планеты в данном случае во внимание не принималось, так как не имело официально зафиксированных случаев.

Неподтверждённое свидетелями «явление Кота», кстати, не обнаруженного при проверке изолированного от внешней среды дома командира, психиатры отнесли к разделу «фобий» или «маний», и приписали к мозговой деятельности самого «хомо сапиенса» в экстремальных условиях.

Случай с бароном Вайнгартеном, был всесторонне исследован и долго красовался на страницах антологий ещё не сформировавшейся как наука — космической психиатрии.

С Вайнгартеном долго беседовал корабельный психолог. Тестирование показало отсутствие в поведении командира группы каких-либо отклонений от нормы. Его временное пребывание вне жилого помещения без биомаски не имело каких-либо последствий. Даже в ранку на поцарапанной при «бегстве» ноге не попали микроорганизмы, способные вызвать рецидив их размножения. И барона снова допустили к руководящей работе. Правда, теперь он поселился в многоместном «бараке», вместе с рядовыми коллегами, где стал привыкать к круглосуточному людскому гомону, коллективному застолю с уничтожением неистощимых запасов балканского виски, и к запахам, витающим во временных густонаселённых жилищах астронавтов.

А покинутый Вейнгаартеном домик стали использовать как лабораторию и хранилище геологических образцов.

О «бананово-гусеничных» снах при бароне никто не вспоминал. Правда, за глаза, иногда шептались. Но очень осторожно.

Максима Вайнгартена в коллективе уважали. Всё-таки он был дока в своём деле. И, к тому же, галактические чеки за выполненные работы начислялись подчинённым его Персональным фантом-экономистом.

Некоторое время спустя биологи доставили в городок красные бананы из ближайшей «синей» зоны. А на следующий день, вспомнив о гусеницах из сна командира, привезли и пятикилограммовых «червяков-великанов».

На Софии считают, что именно этот день стал началом великого открытия «деликатесов от Вайнгартена».

Учёные, изучив доставленные образцы, пришли к выводу, что бананы, а также и гусеницы, можно употреблять в пищу. Причём, без дополнительной обработки и подготовки перед употреблением. Специальные сканер-бионы, испытавшие на себе предложенные образцы инопланетной пищи, сообщили коллегам барона, что мясо «гусениц» и мякоть «бананов» обладают необходимым комплектом витаминов, хорошо усваиваются человеческим организмом,

и не вызывают аллергии. При непосредственном употреблении софийский продукт, не подвергавшийся термообработке, приобретает вкусовые качества, хорошо знакомых человеку блюд. Всё это казалось странным, пока кто-то из мудрецов не выдвинул гипотезу о психологическом воздействии на человека окружающей среды. В первую очередь – этих странных существ, похожих на котов.

Любимые пищевые запахи и удивительный вкус новообетенных продуктов сделали Софию самой посещаемой гурманами и любителями экзотических блюд планетой галактики. На активно колонизируемой планете появились кафе и рестораны с названием «У Максима» и сеть продовольственных магазинов – «Деликатесы от Вайнгартена». За использование «имени собственного» в рекламе «деликатесов» адвокаты барона помогли пополнить его и без того не тощий кошелек дополнительными миллионами галактических чеков.

Но это было потом, годы спустя.

А в тот день барон зашёл в отвергнутое жилище, с целью препарировать одну из доставленных на базу гусениц и снова встретил знакомого серого Кота. Гость сидел на полу в центре комнаты.

На этот раз барон не испугался. Спокойно подошёл к столу, положил на него свёрток с шевелящейся гусеницей и открыл кофр с инструментами для препарирования. Кот бесшумно переместился на стул напротив и принялся наблюдать за действиями Максима.

Желание погладить Кота возникло у барона не сразу.

После того, как острый скальпель расчленил гусеницу между копошащихся ножек, и перед исследователем предстали её розовые внутренности, ударившие в нос ароматом свежеприготовленного жаркого из кролика, «гость» зашевелился и вопросительно посмотрел на барона.

– Кушать захотел? – спросил Максим, отчленив от хитиновых колец гусеницы кусок плоти. Мясо было тёплым и источало аппетитный запах. – Сейчас организуем сервис.

Сервис ограничился измельчением плоти на дольки и их размещением на фаянсовом блюде, веером, как на праздничном банкете.

Кот продолжал наблюдал за действием.

Максим вытер руки салфеткой, пододвинул блюдо к Коту и, совершенно неожиданно для себя, погладил животное по голове и длинной шее.

Кот не отстранился, не замурлыкал и не встал на четыре лапы, чтобы поднять хвост, как это делают земные твари. Он лишь прищурился от полученного удовольствия и наклонил голову к протянутой руке, прося дополнительной порции ласки.

– О! – удивился Максим. – С тобой, оказывается, можно дружить!

Кот, заметив, что Максим больше не собирается его ласкать, приступил к трапезе – принялся, не спеша поедать кусочек за кусочком.

В это время в лабораторию вошли коллеги барона и увидели «идиллию» с Котом и командиром...

Это уже потом биологи придумали животному название – «Софийский Кот Вайнгартена» и рекомендовали писать его с заглавной буквы, как слова: Бог, Президент, Король.

Бананы и гусеницы, понравившиеся жителям обитаемого пространства Млечного пути, получили свои научные названия с приставкой – Вайнгартен. Всё это отмечено в научных монографиях и занесено в каталоги на древнем латинском языке.

Впоследствии выяснилось, что на Софии ноуменальных Котов превеликое множество – хватает каждому нормальному хомо сапиенсу.

Имя барона прочно уселось на стуле, за обеденным столом, рядом с каждым жителем планеты, в виде доброго и пушистого домашнего чуда. Для жителей Софии бананы и гусеницы

Вайнгартена не являются дорогими деликатесами. Дарами местной природы в виде разнообразных и изумительно вкусных кушаний теперь наслаждаются и софийцы, и гости планеты.

Коты же имеются у каждого жителя Софии, не исключая клон-резектов, и тут же появляются у вновь прибывших на планету гостей.

Но у этих животных есть очень полезная особенность, обнаруженная колонистами не сразу. Полезная для Котов и для жителей Софии.

Каждый раз, когда против Котов замышляются какие-нибудь каверзы, типа их изучения посредством научных опытов, попыток пленить и вывезти на другую планету, или, того хуже, возникновения у кого-нибудь из людей желания воспользоваться редким мехом животного для украшения одежд богатых и самодовольных дам, они не уделяли вниманием таковых своим присутствием. И этим давали сигнал жителям планеты и таможенным службам, что на планете появился охотник.

Кстати, заказы на получение меха Софийского Кота поступали от мультимиллиардерш очень часто и сулили охотникам немалые прибыли. Но ни один из вызвавшихся на это дело добытчиков, прибыв на Софию, даже не удосужился увидеть кончика хвоста предполагаемой жертвы.

А у постоянных жителей планеты София уже с рождения имеются свои персональные Коты. Они всегда находятся рядом. Они наблюдают за хозяевами пристально и постоянно, как овеществлённая совесть. Стоит согрешить, или задумать что-нибудь неблагопристойное, как об этом сразу узнают окружающие вас люди. Длительное отсутствие рядом с человеком «персонального» Кота – верный признак «неблагополучия» в мыслях и поведении индивида.

Адмирал Маринеску видел своего «мохнатого наблюдателя» каждый день. Кот не надоел ему. Просто появлялся в доме, в кабинете, или в другом месте, где его мог видеть хозяин и тихо сидел, созерцая через окно природу, либо вылизывал и без того чистую шерстку. От Котов не исходили запахи, свойственные земным озорникам, постоянно пачкавшим под диванами, или метившим границы своих владений. Земные собратья тем самым создавали в доме «благоухающую» атмосферу. А Коты Вайнгартена стерильны. Правда, гуляют и они «по Киплингу» – сами по себе, и считаются ноуменами как непознаваемая «вещь в себе», подтверждая философию Канта.

Если Коту нужно уйти «по необходимости», то он незаметно исчезает, даже из закрытого помещения, не оглашая своего желания противным мяуканьем.

Как они делают эту, до сих пор неизученную биотелепортацию, никто воочию не наблюдал. Кот для ухода от хозяина выбирал нужный момент – тихо сворачивал куда-нибудь за угол, под диван, и там растворялся.

И ни одному исследователю, прибывающему на Софию, не предоставлена даже мизерная возможность изучить внутренности животного, измерить его биополе, взвесить на весах, или просто потрогать ушастого за хвост. Наблюдать – приходилось. А трогать, даже с благими научно-познавательными намерениями, ни за какие коврижки!

3

Адмирал ещё раз погладил Кота и отметил, что от мохнатого спутника исходит едва заметное голубоватое свечение, окрасившее утреннюю спальню едва заметной синевой, словно дымком от костра, заполнившим лесную поляну. Оно-то и добавило в утреннюю атмосферу спальни трепетной таинственности...

– И, тем не менее, у нас будут гости, – задумчиво сказал адмирал и вышел из дома...

Пробежав бодрившую тело мысли дистанцию, Ион Маринеску привёл себя в надлежащий вид – побрился, постоял под холодным душем, интенсивно помассировал тело жёстким полотенцем и оделся в свежее бельё. Форменный костюм, выглаженный Мартой ещё с вечера, приятно обнял взбодрённое тело.

Адмирал был высоким, в меру упитанным семидесятилетним мужчиной. Коротко подстриженные волосы, тёмно-каштановые, немного вьющиеся, слегка тронутые на висках серебром седины, зачёсаны вверх и зафиксированы виброщёткой. Подбритые и подстриженные ленточки усов чётко выделяются на смуглом лице и гармонируют с бровями, нависшими над чёрными пучками пронизательных глаз. Белая рубашка, кофейного цвета мундир с узким золотым эполетом на левом плече и тёмно-коричневый галстук завершают портрет человека, приобретшего с многолетним опытом работы в закрытом от посторонних глаз учреждении особый дар дисциплинированности и требовательности к себе, как руководителя и как боевого офицера.

Лёгкий завтрак, состоящий из бутерброда с подогретым кружком мяса гусеницы Вайнгартена, пахнущего авокадо, и кружки чёрного кофе с Камелота, самой населённой, после Земли, планеты Евро-галактической конфедерации, адмирал вкушал вместе с супругой и в присутствии обоих Котов.

Мартовский Кот возлежал на коленях у жены и к еде не притронулся. Кот адмирала с аппетитом скушал две порции софийской устрицы и кружок гусеницы. Умыв мордочку, он снова повернул голову к окну, чтобы разглядывать птичек, играющих на ветвях цветущей сирени. Ничего хищного в его взгляде не наблюдалось. Он просто наслаждался созерцанием родной природы. Как любитель живописи наслаждается любимой картиной.

Таинственная синева продолжала исходить от тела животного и намекала на события, приближающиеся во времени и пространстве к адмиралу.

Кабельный телепортан перенёс Иона Маринеску в горный район Красных Карпат. Там, в недоступном для пешего путешественника ущелье, располагалось огромное здание Управления космической безопасности. Для стороннего наблюдателя это была обычная базальтовая скала, или очень большой камень, километра два в поперечнике и около километра в высоту. У современных архитекторов стало модным проектировать и строить жилища, офисы и производственные помещения внутри горных образований, с использованием промышленных лазеров и телепортационных пылесосов.

Скала занятая УГБ располагалась на берегу горного озера. Вокруг неистово бурлили своей дикой жизнью дремучие заросли местных деревьев-кустов.

Внутри камня, в нескольких тысячах маленьких, больших и огромных кабинетах, трудились подчинённые адмирала, изучались начатые, неоконченные и завершённые дела, расследованиями которых занималась УГБ. У каждого сотрудника управления имелся отдельный кабинет, где он, если не находился в командировке или на задании, мог поработать над документами. Там же, в закрытом от посторонних глаз отеле, можно пожить несколько дней со всеми удобствами, или отметить с коллегами на высшем уровне, не хуже, чем в коммерческом ресторане, очередную «оперативную победу» или завершение невесть, когда начатого дела. Правда, большинство кабинетов в управлении постоянно пустовало, ввиду специфики деятельности их хозяев. Подчинённые адмирала работали на всех заселённых людьми планетах галактики Млечный путь. Занимались всем, чем занимаются разведчики. От обычного наблюдения, до «добычи» секретных сведений политического, военного или промышленного характера. «Продукция» отдела разведки УГБ пользовалась большим спросом и приносила хороший доход в казну Софии. После деликатесов Вайнгартена Управление галактической безопасности занимало второе место на планете по рентабельности.

Телепортан перенёс адмирала на набережную озера.

Выйдя из кабины, он прошёлся вдоль берега, разглядывая танцующие стебельки подводных лиан, и играющих среди них серебристых рыбок.

Кот шествовал за адмиралом, метрах в пяти от него. Как он смог появиться именно здесь, в пятистах километрах от дома Маринеску, можно было лишь догадываться.

С высоко поднятой головой и приподнятым хвостом, Кот важно фланировал у кромки воды, имитируя полное безразличие к подводной жизни озера. Он просто гулял – сам по себе. И тем не менее, Кот знал, где будет его хозяин через несколько минут, через час. Ранним утром Кот знал, с кем они вместе встретятся перед обеденным перерывом...

Телепортан управления, спрятанный в скале за зарослями земной сирени, вывел Иона Маринеску на уровень, где располагались офисы руководителей служб, заместителей начальника управления и его, самый большой и самый уютный «базальтовый» кабинет.

Кот уже сидел на подоконнике и рассматривал горный пейзаж, открывшийся с высоты птичьего полёта. Озеро, зеркально отражающее и голубое небо, и свинцовые скалы, было не таким заманчивым для него. А вот парящие в вышине огромные птицы, притягивали взор. И Кот, забавно вращая головой, следил за проплывающими над скалами силуэтами местных пернатых гигантов.

Адмирал открыл дверь, ведущую на вырезанный в скале балкон, напоминающий веранду дачного коттеджа. В лицо ударил прохладный ветерок. Подойдя к парапету, Ион взглянул на озеро, на скалистые холмы за озером, на парящих в небе птиц.

– Хорошо! – сказал он, потирая руки. – Приступим к ожиданию незваного гостя!

Адмирал сел за массивный стол, вырезанный строительными роботами Бог весть, когда ещё для первого начальника управления, из монолита, вместе с помещением и прочей недвижимой мебелью, красиво расположенной вдоль стен. Оглядевшись, постучал по плоскому экрану монитора и возбудил тем самым биона секретаря.

Юный лейтенант в форме офицера внутренней службы проявился из экрана в виде фантома. А за тем, секунду спустя, предстал перед адмиралом, в натуральную величину. Секретарь походил на хозяина кабинета в его, давно минувшей, молодости. Дизайнер и техник-психолог управления, в своё время, постарались настроить секретаря по «образу и подобию» будущего начальника УГБ. Бион понравился адмиралу. У них с Мартой не было детей. И этот искусственный молодой человек немного сглаживал пробелы в семейной биографии адмирала.

– Господин адмирал! – вытянувшись перед вставшим навстречу начальником, приступил к докладу лейтенант. – За истекшие сутки чрезвычайных происшествий по вверенному вам Управлению не зарегистрировано. На территории Управления в настоящее время находится триста два сотрудника. В служебных командировках – шесть тысяч девятьсот четырнадцать сотрудников. В отпусках – две тысячи сто шесть сотрудников. Отстранены от исполнения заданий и выведены из штата, в связи с сокращением и увольнением в отставку – сто пять человек. В том числе: по отрицательным мотивам, или по инициативе руководства Управления – восемьдесят три человека.

– Достаточно! – остановил доклад лейтенанта адмирал Маринеску. – Значит, те, кто у нас ещё служат – сотрудники, а как только попадают под сокращение или увольняются, становятся людьми?

Секретарь на секунду стал прозрачным, а за тем, восстановился, бодро шёлкнул каблукми и изобразил на симпатичном лице мину, говорящую о недоступности его пониманию поставленного адмиралом вопроса.

– Хорошо! Не напрягайся, Григорий! А то предохранители сгорят! Скажи-ка, братец, кто тебе сочиняет тексты утренних докладов?

– Майор Бобров и майор Чопич, господин адмирал!

– Скажи им, что бы отредактировали текст! Или сам что-нибудь придумай! Но что бы всё соответствовало... и люди, и сотрудники...

- Будет исполнено, мой адмирал!
- А теперь, скажи-ка Григорий, сколько деловых заявок и коммерческих предложений поступило к нам для исполнения на следующую неделю? Всего.
- Тридцать шесть, господин адмирал. И они уже распределены по подразделениям.
- На сегодняшний день ничего нет? Может быть устная? или не учтённая, в связи с не особой важностью?
- До настоящего времени не поступало, господин адмирал.
- Кто дежурит по управлению?
- Полковник Закревский и полковник Дрожич, господин адмирал.
- Спасибо. Свободен.

Адмирал сел во вращающееся кресло и повернулся к сияющему таинственной синевой Коту.

- Будем ожидать незваных гостей. Если твои намёки, дружок, совпадают с моими предположениями...

Кот степенно повернул голову к адмиралу и сверкнул зелёным фосфором в широко открытых глазах.

- Да верю я тебе, Котик! Верю!

На экране монитора снова возник лейтенант Григорий.

– Господин адмирал! К нам вышла на связь Её Величество Королева Скандии Маргарет! Главный видеотелепортан я включил. Через тридцать секунд Её Величество будет у вас.

– Спасибо, лейтенант! К сожалению, меня навестит лишь призрачный фантом Марго. Вот если бы Марго сбежала от своего лорда лет пятьдесят тому назад... Ну, да ладно! Исчезай Григорий! Исчезай!.. Создай-ка нам, лейтенант, полумрак. В сумерках на Королеву смотреть, знаешь ли, как-то приятнее.

Григорий улыбнулся, и монитор с его изображением померк. В кабинете стало сумеречно. В дальнем углу помещения отчётливо высветилась резная из красного дерева дверь, которая тихо отворилась. Адмирал встал и вышел на середину кабинета.

Королева Скандии Маргарет появилась бесшумно, с томной улыбкой. Высокая и по-прежнему прекрасная, она остановилась посреди комнаты. В длинном голубом платье, с воздушной причёской, украшенной спереди тремя серебряными лепестками, усыпанными мелкими искорками алмазов. Марго на мгновение замерла, наградив хозяина кабинета волнами восхищения.

- Здравствуйте, Ваше Величество! – трепетно прошептал адмирал.

– Здравствуйте, мой адмирал! Не ожидали моего визита? Надеюсь, я не потревожила ваше спокойствие и не прервала вашу работу? У вас что-то срочное, коли вы, в выходной день, находитесь при исполнении? Прошу меня извинить!

– Я ожидаю гостя, Ваше Величество. Скорее всего, это весьма интересный посетитель. Он уже в пути. Но визит ко мне им не обозначен официально. И это меня заинтриговало.

- Ваша интуиция вас никогда не подводила, мой адмирал?

– Никогда, Ваше Величество!

– И вы любите разгадывать чужие секреты, если вас об этом просят?

– Обожаю, Ваше Величество? Тем более что раскрытие тайны хорошо оплачивается её покупателем!..

Маринеску мельком взглянул на Кота, продолжавшего созерцать улицу через помутневшее стекло. Свечение от него не померкло. Значит, Кот имеет в виду не визит Марго. Гость непременно будет. Но позже.

– И вы обязательно дождётесь появления гостя с очередной просьбой об обретении истины?

- Да, Ваше Величество, – согласился адмирал. – Желание клиента – наша цель!

Марго повернулась к двери, из которой только что вышла, и подала кому-то знак.

– У меня к вам, мой адмирал, имеется предложение.

Из означенных дверей в королевских покоях появились два симпатичных юноши, которые внесли кресло, похожее на трон, и осторожно установили его около Её Величества.

– Давайте присядем, мой адмирал. Разговор будет коротким, но важным для меня, и, надеюсь, выгодным для вас.

Адмирал по-военному кивнул Королеве и, подождав пока она расположится в кресле, присел на жёсткий и холодный базальтовый диван, рядом с Её Величеством. Для длительных заседаний это ложе, несомненно, не годилось. Но подчинённым адмирала приходилось терпеть твёрдость каменных диванов во время жёстких инструктивных и назидательных совещаний, проходивших в этом кабинете.

– И так, мой адмирал, я изложу мою просьбу в нескольких словах. Вы, вероятно, следите за действиями политиков галактических альянсов и, несомненно, представляете разноцветную панораму отношений между ними, сложившуюся в последнее время. Надвигается опасность возникновения конфликтов между Евро-галактической конфедерацией и союзом планет Арабпейса. Наше королевство Скандия не является полноправным членом ЕГК в связи с отсутствием у нас экономических предпосылок для полноценного технического развития. Мы сугубо аграрная планета, обеспечивающая ближайшие миры экологически чистыми пищевыми продуктами. Так уж сложилось на Скандии, что нам, в течение ста лет существования королевства, были не нужны силовые структуры. У нас нет армии, нет полицейских формирований. У нас нет оружия и специалистов для организации обороны планеты от внешнего вторжения. Нас можно завоевать без единого выстрела. Собственно говоря, мы, за период существования королевства, не нуждались в какой-либо защите. И мы никому не угрожаем. Однако в данный момент возникла опасность силовой милитаризации королевства со стороны ЕГК и экспансии на наши территории чисто потребительских военных структур, которые поглотят аграрную экономику Скандии. Премьер-министр королевства лорд Гунар, мой супруг, в данный момент ведёт переговоры с правительствами ЕГК о принятии Скандии в конфедерацию с правом голоса и вето. Мы просим равноправного членства в конфедерации. Но Земля относится к нашим предложениям отрицательно. И, в свою очередь, заявляет нам о несанкционированном размещении на Скандии и Одине, обустроенном нами спутнике планеты, своих баз военных телепортанных кораблей и расселении на территории планеты около миллиона космических волонтёров. Это будет гуманитарной катастрофой для нашего королевства.

Марго тяжело вздохнула. Поправила причёску и с надеждой посмотрела в глаза адмиралу.

– К тому же, лорд Гунар не проявляет настойчивости в достижении поставленных задач. Он неважный политик. Полагаю, что на одном из заседаний Риксдага мной будет поставлен вопрос о переизбрании главы правительства. К вам же, мой адмирал, я обращаюсь с просьбой помочь организовать в королевстве Скандия силы самообороны. Я понимаю, что это не в вашей компетенции. Но у вас имеются высококлассные специалисты с отменными организаторскими способностями. Всего лишь один человек со знаниями военного дела, и мы изменим мнение о себе в кабинетах конфедератов. Земляне уважают силу. У нас есть деньги. Мы можем купить необходимое оборудование и оплатить услуги специалистов. Но для этого нужен организатор. Всего лишь один человек, способный спасти меня и моё королевство.

– Такой человек у вас уже есть, Ваше Величество. Вы его получили от нас совершенно бесплатно. Более двадцати лет тому назад.

– О ком вы говорите, мой адмирал? Неужели о моём зяте лорде Эндрю?

– Да, Ваше Величество! Я осмелился напомнить вам о полковнике галактической разведки Андрее Васильеве.

– Но ведь он – губернатор провинции, мой адмирал!

– И что? Лорд Эндрю так занят проблемами провинции, что не имеет ни сил, ни времени для спасения своего королевства? А вы, Ваше Величество, назначьте его Премьер-министром. Временно, на период отсутствия в королевстве лорда Гунара.

Марго прищурилась и сурово посмотрела на адмирала.

– Вот вас бы я назначила и Премьером, и Королём, не задумываясь, мой адмирал. Жаль, что вы не остались со мной, в те далёкие и прекрасные времена!

Адмирал кивнул, согласившись с Марго.

– Время ушло, моя любимая Королева... По поводу обороны планеты я подумаю, Ваше Величество. Да и вы своего зятя не жалейте. Если необходимо, я со своей стороны выскажу своё мнение полковнику галактической разведки Васильеву. В своё время я хотел сделать нынешнего лорда Эндрю продолжателем моего дела. Управлять разведкой тоже непросто. Он – талантлив, ваш зять. Я был против отставки Васильева. Но вы победили, Ваше Величество, – переманили-таки моего несостоявшегося преемника на свою сторону. Я готов поменяться с ним должностями.

– Ну, уж его-то, мой адмирал, самого молодого и самого умного зятя, вы назад не получите. Даже в качестве компромисса, или бартера. А вот вас, когда уйдете со своего поста, – милости просим к нам. Не пожалеете. У нас, правда, нет съедобных червей и светящихся котов, но имеется кое-что своё, не менее интересное!

Адмирал улыбнулся.

Фантом королевы Маргарет замерцал и стал растворяться.

– До свидания, мой адмирал!.. Мы ещё увидимся!.. Я буду вас иногда навещать!.. Ах! Мой милый адмирал!..

Мириады мелких искорок от затухающего изображения долго мерцали перед Ионом Маринеску. словно символы любви седого адмирала и прекрасной королевы. Они напомнили ему о безвозвратно ушедших временах. И что-то живое и ощутимо горячее царапнуло кошачьей лапкой по онемевшему сердцу старого селадона.

И это был, к сожалению, не сон...

На фоне затухающего «салюта» проявился фантом Григория.

– Господин адмирал! У нас гости!

4

Гостей было двое: мужчина и софийский Кот.

Мужчина лет около ста, высокий, с пронзительным взглядом, в дорогом костюме, и без сопровождающего слуги-биона.

Старик уверенно шагал по ковровой дорожке, изредка поглядывая на таблички с надписями на дверях офисов.

Адмирал переместился в кресло за каменный стол и стал наблюдать изображение на объёмном экране.

Лицо гостя незнакомо.

Адмирал вопросительно посмотрел на замершего возле стола лейтенанта.

Секретарь Григорий тут же сообщил, что это господин Поль Депрези, профессор. Две недели тому назад прибыл с планеты Формоза на отдых и биологическую регенерацию в геронтологический пансионат Новая Лета. Других сведений о посетителе и о теме, предстоящей с ним беседы лейтенант установить не успел.

Экстренная связь с планетным сервером Формозы стоила дорого и, похоже, была уже не обязательна. Всё необходимое гость сообщит адмиралу лично. Через минуту.

Софийский Кот профессора шагал рядом со стариком, не соблюдая дистанции, как это делал Кот адмирала. Он шёл, сверкая синими зарницами в умных глазах. В отличие от старого

профессора, пронизательное существо будто бы знало куда идёт, и чувствовало, что за ним наблюдают с экрана ТП видео.

Кот адмирала бесшумно проявился на левой стороне рабочего стола, несколько раз лизнул шерсть на грудке и приготовился к встрече гостей. Синее свечение пропало.

– Да-да! – взглянув на животное, сказал адмирал и слегка приподнял густые брови. Поведение Кота было для него не ново, но он каждый раз удивлялся ему. – Значит, именно этого господина нам напророчили с утра?..

– Здравствуйте, господин адмирал! – сказал профессор, наполняя кабинет своими габаритами, негромким баритоном и запахом одеколона с Формозы.

– Здравствуйте, господин профессор! – Адмирал подошёл к гостю и пожал сухую с длинными пальцами руку.

– Просто – профессор, господин адмирал. Моё звание с приставкой «господин» как-то не гармонирует. – Гость по-военному кивнул и добавил: – Профессор Поль Депрези.

Поль Депрези быстрым взглядом окинул кабинет и снова обратился к Маринеску:

– Извините за внезапность моего появления в вашем учреждении. Я сейчас нахожусь на восстановительном лечении в одном из софийских пансионатов. Знакомые подсказали, что ваше учреждение, господин адмирал, может помочь мне в разрешении одного сугубо личного вопроса. И уже самостоятельно я узнал, как вас найти.

– Узнали от кого?

Профессор пожал плечами и мельком взглянул на сидящего рядом Кота.

– То, что ваша организация существуете и расположена на Софии – не тайна, господин адмирал. А вот дорогу к вашему Управлению показал он, этот прелестный зверёк.

– Понятно, – сказал адмирал и проводил гостя к мягкому креслу возле небольшого столика в дальний угол кабинета. – Признаюсь, и мы ожидали вас. Присаживайтесь, профессор. Я закажу напитки из бананов Вайнгартена, и мы побеседуем на интересующую вас тему.

– А вы, полагаю, узнали о моём визите от своего красавца? – Профессор кивнул на Кота адмирала, замершего на краю базальтового стола.

– Мне лишь намекнули о визите неизвестного лица.

Лейтенант Григорий вошёл в кабинет с подносом, на котором возвышались около десятка бокалов с различными напитками. Бокалы он разместил на примыкавшей к столу пирамиде, в достигаемом для собеседников месте.

Оба Кота исчезли из помещения. Правда, мужчины этого не заметили.

Профессор Депрези начал говорить, а адмирал Маринеску, расположившись напротив, был весь во внимании.

– Прежде чем направиться к вам, господин адмирал, я ознакомился с доступной информацией о вас и вашей организации. А вы, очевидно, успели навести доступные вам справки обо мне? Но мне кажется, что ваши сведения о моей личности весьма скудны.

– Вы – правы, профессор.

– Предлагаю Вам информацию о себе...

Профессор снял с пирамиды один из бокалов с соком и отпил глоток. Напиток ему понравился.

– Всегда новый и необыкновенно приятный вкус! – сказал он. – И так, я – профессор Поль Депрези де Фо. Потомственный граф. Родился в 2701 году в Париже. Жил с родителями и сестрой в округе Го до 2718 года. Там же учился в школе при Университете Патрика Вуарно в группе естественного образования и, попутно, осваивал специальную программу по принудительной расконсервации основного блока Теории поляристики. То есть, в течение пяти лет в моё подсознание поместили всё, что было известно на тот момент о различных полях естественного и искусственного происхождения, а также полный курс биополяристики Тоцкого.

С Тоцким не повезло. Мне не нравилось копаться в чужих мозгах и душах. А прочая поляристика пошла на пользу, и мне удалось на волнах модных в то время наук въехать в стены Университета Вуарно уже в качестве юного учёного. Там меня распределили в группу доктора Тулова из Бородинского института пространства и времени. Бородино, это небольшой заповедный район на окраине мегаполиса Москва. В тех местах тысячу лет тому назад бились армии Кутузова и Наполеона. Так вот, в институте доктора Тулова я вплотную занялся изучением искусственных полей. Там же мне пришлось соприкоснуться с коллегами, занимающимися индивидуальными пространственными кавернами, образующимися в результате телепортационных коллапсов. Короче говоря, именно в институте Тулова мы впервые получили то, что сейчас называется «индивидуальным пространством». Шесть лет спустя такой же эффект был получен и со временем. Совмещение индивидуального пространства и облагороженной каверны индивидуального времени позволили создать модель первой Машины времени. Это открытие произошло в 2726 году. В этом же году я женился на Мариам Руази. Она родила мне дочь – Николь...

Профессор вздохнул и приостановил рассказ.

А в памяти адмирала стали возникать эпизоды из информационных сообщений, связанные с именем Николь Депрези. Что-то о путешествии во времени, об эксперименте учёных по внедрению аппарата с человеком на борту в прошлое, который закончился неудачно...

– Возможно, господин адмирал, вы припоминаете события более чем полувековой давности, связанные с первым и пока единственным запуском Машины времени по программе «Хронос». Тогда же был установлен первый «Маяк» для поддержания связи между постоянными «Станциями Тулова», расположенными на переменной спирали времени с расстоянием в 797 календарных лет.

– Припоминаю, профессор. Но только то, что сообщалось по галактическому ТП видеоканалу.

– Разумеется, господин адмирал. Подробная информация доступна не для всех. В новостях же говорилось, что в далёкое прошлое отправлен уникальный аппарат с человеком на борту. В назначенный временной пункт Машина времени прибыла без каких-либо осложнений. Пилот, женщина, приступила к работе. Далее сообщались биографические данные пилота, и кое-что о её родителях. То есть некоторые подробности из их жизни, совершенно не соответствующие действительности. О дальнейших событиях, связанных с Машиной времени, говорилось весьма туманно, скорее гипотетически или в фантазийном аспекте. Ввиду отсутствия полноценной информации. Потом данная тема стала закрытой для папарацци. А случилось обозначенное событие в 2744 году. Пилотом Машины времени была моя дочь – Николь. Жили мы тогда в закрытом городке на территории Бородинского заповедника. Уже без прелестной Мариам. Мадам Руази покинула нас, когда дочери исполнилось десять лет. Николь с отличием закончила высшую ступень спецшколы при институте Тулова и была принята в аспирантуру. Ей только что исполнилось восемнадцать. К этому времени она успела ознакомиться с общей хроноскопией, освоить хронографию, изучить устройство «Маяка», промежуточных и вспомогательных модулей «Хронос-2» и «Хронос-3». Она была в курсе наших изысканий и принимала активное участие в исследовательских работах под руководством самого Тулова. Доктор Тулов отметил способности юной ученицы и привлёк её к самостоятельной работе в группе обеспечения запуска аппарата «Хронос». Тулов же, после удачных полевых испытаний и обязательного тестирования, предложил Николь пилотировать Машину времени. Она, не задумываясь, согласилась на этот «безрассудный», по моему мнению, поступок. Правда, в то время, это считалось, как заурядное испытание вполне надёжной машины. От неё, всего лишь, требовалось сопроводить модуль «Хронос» в расчётную точку пространства на телепортанном грузовике. То есть в то место, где 797 лет назад находилась планета Земля. Затем, используя Индивидуальное время, телепортировать аппарат на Землю, в точку, выбранную для него зара-

нее, в нашем времени. Аппарат предполагалось поместить на глубине около ста метров под поверхностью планеты, в непосредственной близости от главного блока наблюдения и управления маяком. Всё намеченное было осуществлено без отклонений от заданных параметров. Для запуска маяка и налаживания работы «тоннеля времени» следовало активировать вспомогательный модуль «Хронос-2» и проследить за точностью исполнения программы биофантомами. Времени для регулировки маяка и активизации тоннеля отводилось около пяти месяцев. В этом случае Николь могла возвратиться в наше время, используя тоннель. Но Тулов предлагал ей совершить возврат сразу же после установки модуля и включения автоматической настройки. То есть, неделю спустя после запуска. Но Николь не вернулась домой ни неделю спустя, ни через пять месяцев... Она вообще не вернулась. Ко всему прочему, в намеченный срок не был возбуждён и «Маяк». Он включился лишь спустя двадцать лет...

...В 2764 году я находился на Формозе, где поселился после реорганизации в институте Тулова группы «Хронос». На этой планете я купил хороший участок земли в местных Альпах. С озером, джунглями, прекрасным воздухом и дивной тишиной. Построил там замок с «привидениями» и нашёл себе спокойное дело. Некоторое время занимался исследованием артефактов, обнаруженных на естественных спутниках Формозы, оставленных неизвестной цивилизацией. И ещё, я рисую. То есть пишу картины в стиле «ретро». Впрочем, я отвлёкся. К этому времени работы в Бородинском филиале по программе «Хронос» были законсервированы и засекречены. Приёмник маяка оставался всё это время в режиме ожидания. Связь с ним существовала, а тоннель не открывался. Действовала блокировка, установленная Николь... или своевременно ею не выключенная. Сообщение о появлении в лаборатории института модуля «Хронос-2» вначале было для меня событием радостным, а, затем, превратилось в тягостное продолжение трагедии, начавшейся в 2744 году. Модуль доставил в приёмный блок лаборатории четверых аборигенов из дикого прошлого, которые ничего не знали о судьбе моей Николь. Тулов же ликовал. Заработал ЕГО тоннель, ожила ЕГО Машина времени. Группа Тулова собралась почти в полном составе и приступила к освоению заархивированных проектов по проникновению в прошлое... Я опять вернулся на Формозу... Я не мог оставаться в Бородинском институте... Причина вам ясна... В 2786 году я узнал, что на пульт Бородинской хроностанции поступил сигнал от второго вспомогательного модуля «Хронос-3». Однако возврата данного аппарата в лабораторию института не последовало. При расшифровке сигнала установили, что данный модуль в самом начале его активации получил механическое повреждение, и это явилось одной из причин отключения главного и вспомогательного аппаратов и самого тоннеля. Тоннель был приведён в действие лишь двадцать лет спустя, после проникновения в «Хронос-2» беженцев из 20-го века. А «Хронос-3», как мне сообщили хроносчётчики, переместился в законсервированном состоянии немного назад, в 2751 год. И в данной временной точке он, для наблюдателей, исчезает окончательно. По сей день какой-либо информацией о пропавшем модуле «Хронос-3» и, что самое важное для меня, о моей дочери Николь, Институт времени не располагает...

Профессор Депрези откинулся на спинку кресла и печально посмотрел в глаза адмиралу. Нет, профессор не пустил слезу и не выразил взглядом отеческой скорби. Он излучал маленькие лучики надежды, которые адмирал должен был воспринять, как сигнал к действию.

Профессор сделал глоток из бокала и продолжил рассказ:

– После активизации маяка тоннель во времени стали использовать по назначению, то есть, для посещения Прошлого. В целях предотвращения «перепластовки» путешествия осуществляются только по специально разрабатываемым планам, для выполнения специальных заданий, людьми, имеющими специальную подготовку. Вначале этим занимались сотрудники отделов института Тулова, которых готовили по индивидуальной для каждого путешествия программе. Они обеспечивали работу фантомов и биофантомов. Потом в прошлое стали запускать и людей. Почти все путешественники по доступному для изучения времени явля-

ются созерцателями, собирателями информации или исследователями утраченных документов и не задокументированных современниками событий. Иногда они проверяют, не сфальсифицирован ли тот или иной факт в истории прошлого. Одним словом, сейчас наши современники пробуют написать «чистую историю» человеческой цивилизации, начиная с 21-го века. Известно, что сотрудники вашего Управления, господин адмирал, пользуются большим спросом у исследователей прошлого... Я неоднократно обращался к различным инстанциям с просьбой оказать мне помощь в поиске дочери, затерявшейся в прошлом. Мне в этом не отказывали. Но результата, проясняющего истину исчезновения Николь, я до сих пор не получил. Никаких следов пребывания Николь во второй половине 20-го и первой половине 21-го веков по сей день не обнаружено...

Мой путь в этом мире подходит к концу, господин адмирал. И Николь, если она прожила в прошлом более шестидесяти лет, то так же близка к исходу в небытие. Мариам Руази, изредка интересовавшаяся судьбой дочери, не выдержала испытания временем и не дождалась «истины», которая где-то есть, – там, в прошлом. Я бы очень хотел увидеть мою дочь, или что-нибудь узнать о её судьбе... Я – богат, господин адмирал. И отдам вашему Управлению всё своё состояние за информацию о Николь. Я недавно узнал, господин адмирал, что в вашем учреждении имеется специальный отдел, занимающийся наблюдением за прошлым силами специальных агентов. К вам часто обращаются наделённые властью господа с различными просьбами, в том числе и об установлении тех или иных фактов в истории предков. И вам за это хорошо платят. Не сомневайтесь, и я щедро оплачу ваши услуги!

Профессор замолчал, и некоторое время смотрел на адмирала, «переваривавшего» только что услышанное.

– Кроме этого, – словно смущаясь, добавил Депрези, – у меня есть письмо, адресованное вам, господин адмирал, от членов Правительства конфедерации... с просьбой об оказании мне помощи в розыске дочери...

– Извините, профессор. Примите мои запоздалые соболезнования и мою надежду на лучший исход этой затянувшейся истории. И позвольте задать несколько вопросов относительно вашей деятельности в институте доктора Тулова.

– Да, конечно, господин адмирал.

– В своём рассказе вы оперировали датами нашего времени. Можно ли уточнить время событий в точках проникновения маяка в прошлое? И какова перспектива дальнейшего использования тоннеля времени в решении вашей проблемы?

– Да. Я не делал акцента на уточнении исследуемой временной фактуры. Прошу меня извинить. То, о чём вы спрашиваете, конечно же, важно. Главный модуль был введён в прошлое в 1941 году от Рождества Христова. Согласно сведениям, полученным позже, это было 28 сентября. С 29 сентября 1941 года Николь приступила к индивидуальному контролю над настройкой «Хроноса-1». В 1961 году во вспомогательный модуль «Хронос-2» проникли посторонние люди из числа местных жителей и побудили биофантомы модуля перенести их в некое «эффемерное» место, именуемое на их языке Финляндией. В результате чего из вспомогательного модуля поступил сигнал к активизации маяка и открытию тоннеля времени. В 1980 году поступил сигнал от модуля «Хронос-3», который просуществовал в данном временном отрезке несколько месяцев и, используя законсервированный временной коллапс, переместился в 1948 год. Этим перемещением могла воспользоваться только Николь...

Первые проникновения в прошлое с целью его наблюдения и изучения начались примерно с 1970 года. Для этого использовались, как я уже отмечал, фантомы и биофантомы насекомых, птиц и животных. Биофантомы человека используются с 1977 года. Первый человек, если не учитывать посещение прошлого Николь, был внедрён через тоннель в 1987 году. Активные работы с тоннелем начались в 1989 году и продолжают активизироваться до настоящего времени. Земля изучается на протяжении всего хроноканала. То есть, в объёме 797 лет.

Этот отрезок времени передвигается вместе с нами. Крайняя точка в прошлом, которую мы можем посетить сейчас, это 2006 год. До «замороженной» в 1941 году каверны путь отрезан. В настоящее время на Земле ведутся работы по продлению тоннеля ещё на «виток» временной спирали. Для этого следует использовать крайнюю точку в тоннеле времени. Но, проявлять активную деятельность в населённом месте, в районе ныне существующего Бородинского заповедника, в 2006 году, чрезвычайно сложно. Учёные хроноскописты изучают возможности легального внедрения в последующие отрезки времени. Но это будет нескоро. Время, как мы успели заметить, неумолимо влечёт нас к последнему мигу бытия. И вряд ли я смогу воспользоваться услугами моих коллег. До меня ли им будет!

– Профессор, вы упоминали о какой-то информации, собранной Николь, и доставленной с возвратившемся модулем «Хронос-2». Мы можем её воспользоваться?

– Конечно! Я привёз с собой видеозаписи и аудио тексты, сделанные дочерью за период с 29 сентября 1941 года по конец февраля 1942 года. Мне пришлось их считать с общего сервера модуля, отделяя от подробного информативного отчёта по установке маяка и наладке тоннеля. Дневник Николь представляет собой краткие любительские зарисовки жизни аборигенов, беседы с ними, некоторые эпизоды начала войны. Да, да, господин адмирал! В том месте, где мы внедрились первый хроноскоп, шла страшная битва между племенами землян. И причиной механического повреждения модуля «Хронос-3» стала именно война. Этот миниатюрный прибор Николь использовала для небольших путешествий по окрестностям, примыкавшим к точке установки главного модуля и континентальных ТП станций. Тексты выполнены на гелакси, на старых русском, немецком и французском языках. Мои коллеги из института помогли сделать дублирующий перевод на гелакси. Но, в дневнике дочери вы вряд ли найдёте что-нибудь ценное, для оперативного использования. Дневник обрывается неожиданно... а в прочем, господин адмирал, я могу быть неточным, отозвавшись о вашей работе несколько уничижительно! Извините!

– Ничего, профессор! Посмотрим, послушаем и разберёмся, что там, в дневнике госпожи Николь, и пригодится ли это нам. И ещё, скорее всего, последний вопрос. Вы, в настоящее время, имеете информацию об «угонщиках» вспомогательного модуля «Хронос-2»?

– Нет, – коротко ответил профессор и сердито сверкнул глазами.

– И вы не знаете где они сейчас?

– Нет!

– Полагаю, профессор, что в 2764 году ими занималась служба безопасности института Тулова. И в архивах должны сохраниться записи их объяснений по поводу проникновения в модуль.

– Я видел эту компанию, господин адмирал. Двое полуграмотных взрослых особей и двое детей. Они ничего ценного не сообщили ни нам, ни службе безопасности. И они, как мне показалось тогда, совершенно не понимали, что попали в далёкое будущее. «Угонщики» были уверены, что находятся в Финляндии 20-го века. Ребята из института доставляли их в район современного Хельсинки. Дикарям там не понравилось. Местность, где, когда-то существовала древняя и прекрасная Финляндия, сейчас имеет другое название и выглядит несколько иначе. А где обитают эти «существа» в данный момент, меня не интересовало. Но если такая информация потребуется вам, господин адмирал, то я постараюсь это узнать, по своим каналам... и непременно оповещу вас...

– Хорошо, профессор. У меня к вам больше нет вопросов.

– Они возникнут, господин адмирал, если вы возьмётесь за это дело. Вот мои координаты. Это номер личного ТП фона. Звоните и спрашивайте.

Кот профессора стоял рядом с креслом хозяина и доброжелательно смотрел на адмирала. Словно выражал своим взглядом благодарность за предстоящую работу.

Ион Маринеску оглянулся в сторону окна. Его мохнатый спутник сидел на прежнем месте, на подоконнике, и по-прежнему созерцал птичий рой, танцующий перед окном.

Всё правильно. Настоящий оперативный Кот. Исполнил свой долг и делает вид, что ничего не произошло... и что мы здесь совершенно ни причём...

Наступило время прощания.

Профессор легко встал из кресла, ещё раз окинул взглядом внутренности базальтовой «пещеры», удовлетворённо кивнул хозяину и пожал ему руку.

Адмирал проводил гостей до выхода из кабинета и занял место за рабочим столом.

Лейтенант Григорий унёс почти нетронутую пирамиду с напитками и вернулся, щёлкнув у входа каблуками.

Адмирал посмотрел на услужливого лейтенанта и решил, что начинать это дело следует с поиска подчинённого, которому можно его доверить...

5

– И так, друг мой Григорий, проинформируй меня: сколько действующих сотрудников сейчас находятся на территории Управления и на планете София? То есть в пределах быстрой доступности?

– Около трёхсот?

– Григорий, ты же – педант!

– Триста два офицера, господин адмирал!

– Прекрасно! А есть ли среди указанных сотрудников, офицеры ничем незанятые, не имеющие на данный момент оперативных, наблюдательных или иных заданий?

– Сто сорок семь сотрудников, господин адмирал.

– А сколько «безработных» сотрудников являются хроноскопистами и работали в своё время на планете Земля в 20-м или в 21-м веках? Желательно восточно-европейский регион. Славянский, а ещё точнее – русский.

– Среди указанных сотрудников таковых нет, господин адмирал!

– Жаль! Поищи-ка, братец, такого специалиста среди остальных, находящихся в данный момент в Управлении.

– Полковник Раис эль Хасан...

– То есть?

– Полковник Раис эль Хасан... Прибыл на Софию для реабилитации после травматического шока, вызванного при покушении на его жизнь и здоровье. Работает на Земле в 2006 году, в указанном регионе.

– Почему мне не доложили об этом происшествии раньше!?! О покушении!?

– Полковник Раис эль Хасан прибыл на Софию только что и поступил на обследование в клинику Атмана. Реабилитацию планируется провести в течение недели. После реабилитации он возвратится на Землю, а затем в 2006 год.

– Он способен логически излагать свои объяснения?! Здоров ли полковник физически?

– Да, господин адмирал!

– Личное дело полковника Хасана доставить мне незамедлительно!

– Будет исполнено, господин адмирал!

– И ещё, лейтенант, свяжись-ка с Землёй и добудь для меня хоть какую-нибудь информацию о людях, доставленных из прошлого через «тоннель времени». Я думаю, что таких фактов было немного. Период проверки – 1961—2006 годы.

– Я займусь этим незамедлительно, господин адмирал!

– Но дело полковника Хасана – в первую очередь.

– Дело полковника Хасана в работе вашего сервера. Можете с ним ознакомиться, господин адмирал.

– Минут через тридцать проинформируй меня, лейтенант Григорий, о состоянии полковника. И не дайте ему ускользнуть из клиники. Я хорошо знаю этих «юных ловеласов». Сейчас примет в санитарном блоке «душ Шарко», а через час будет отдыхать со студенткой медицинского колледжа в салуне мадам Грацинской. Понахватали в отделе коммерческой разведки званий и наград, а как вырвутся на свободу, так... в головах – ветер, в штанах – тайфун!!! Так и будет! По себе знаю! Проследи за ним, братец! А после обеда организуй мне встречу с полковником. Приватную. Лучше всего – в кафе Клавдия Гольдмана.

– Организую, господин адмирал.

– На этом, пожалуй, – всё. Можешь быть свободным.

Григорий растворился в спокойном режиме, не создавая звёздного «салюта».

Адмирал Маринеску откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

«Может получиться интереснейшее дело! – думал он. – Скверно что, специалистов подходящих для этого временного отрезка мы не готовили. Крупными коммерческими проектами занимаются сами земляне. А мы лишь наблюдаем да изучаем добытые не нами необъяснимые факты! Да и нельзя с прошлым временем шутить. И, если мне не изменяет память, славянский регион в 20-м веке был самым беспокойным. А ещё – война! Время-то, какое интересное! Угрозило же профессора Депрези отпустить девчонку в 1941 год! Впрочем, у них в Европе всегда было интересно! Сейчас там 2006-й, а на людей продолжают покушаться! Даже полковник разведки из 28-го века не сумел избежать травматического шока! Хорошо, что голова осталась на месте!.. Надо познакомиться с бедным полковником поближе».

Личное дело наблюдателя Хасана оказалось объёмным. Оно состояло из большого количества фото и видео материала личного и служебного характера, подробной биографической справки и множества отчётов о выполненных заданиях. А вот главы о перемещениях по должности и о наградах показались адмиралу весьма скромными и занимали одну страничку.

Раис эль Хасан работает на Земле с 1990 года. Последнее время в Москве, под псевдонимом Гасанов Раис Абидуллоевич. Выполняет задания в качестве наблюдателя, старшего наблюдателя и резидента отдела разведки. Звания и награды получал без дополнительного грифа к приказам – «досрочно». В наблюдаемом времени проживает в центре столицы Российской Федерации городе Москве, где занимается предпринимательской деятельностью. В последнем отчёте полковник сообщает, что он является владельцем четырёх продовольственных магазинов, авторемонтной мастерской и руководит торговой фирмой «Социальный баланс». Имеет капитал в рублёвом, долларовом и евро эквивалентах. Валютные вклады находятся на срочных депозитах в зарубежных банках. Кроме магазинов и мастерской, владеет двумя квартирами в Москве, участками земли с коттеджами в Подмосковье и городе Сочи, пятью автомобилями иностранного производства. Семейное положение – женат, имеет дочь 17 лет и сына 16 лет. Родители: отец из Азербайджана, мать из Татарстана – умерли. Жена по национальности – украинка, преподаватель английского языка в коммерческом экономико-статистическом ВУЗе...

Адмирал взглянул на начало анкеты Хасана и отметил, что ему исполнилось пятьдесят биологических лет. На экране монитора появилось изображение полковника. Высокий, черно-волосый, приятной наружности человек.

Маринеску напряг память и припомнил, что юноша с такими чертами лица лет тридцать тому назад был им замечен в интернате сирот на Балканах и рекомендован Главному разведывательному бюро Евро-галактической конфедерации в качестве кандидата для учёбы в разведшколе. И не только он. Кажется, если не изменяет память, нынешний лорд Эндрю, а в «миру» Андрей Васильев, был вторым кандидатом.

– Проверим! – шепнул адмирал и вернул изображение на мониторе к анкете. – Точно! Мой избранник! Стало быть, мозги у старика ещё не скисли!

О происшествии, приведшем к травматическому шоку, полковник в устном отчёте сказал коротко и весьма смутно:

«Покушение на мою жизнь совершено людьми из группы Аслана Хубулова, чеченца, требующего у московских предпринимателей-мусульман крупные денежные суммы для поддержания боевиков в Чеченской республике. Я не смог собрать нужную сумму в указанные мне сроки, и был „предупреждён“. При выходе из офисного помещения передо мной взорвался автомобиль. Погиб сотрудник милиции, находившийся рядом. Ранен водитель автомашины. Я получил лёгкую контузию...»

«Странный и опасный вид предупреждения», – подумал адмирал и закрыл изображение на мониторе.

Лейтенант Григорий спросил разрешение войти и с порога доложил о выполнении поручений адмирала.

– Господин адмирал, полковник Хасан согласен на встречу с вами в кафе Гольдмана. Только он просил перенести её с послеобеденного времени на время его завтрака, который состоится через двадцать минут.

– Он что, ещё не завтракал?

– Нет, господин адмирал!

Маринеску погладил ладонью ниже грудной клетки и сказал:

– Пожалуй, и я чего-нибудь скушаю из деликатесов от Ваингартена. В кафе Гольдмана отличный кофе и вкусные сорта гусениц. Сделай, пожалуйста, заказ и для меня.

– Слушаюсь, господин адмирал! Только что получен телепортанный ответ из архива Бородинского филиала института времени на наш запрос о жителях, перемещённых из 20-го века.

– И таких много?

– Восемь человек, господин адмирал.

– Среди них есть интересующие нас люди? Я имею в виду так называемых «угонщиков» вспомогательного модуля «Хронос-2».

– В предоставленном списке они первые.

Адмирал Маринеску удовлетворённо зажмурился, предвкушая истому от полученной информации. Он уже начал придумывать план действий для возможного контакта с пришельцами из прошлого, но тут же отодвинул от себя начатую мысленную работу. Адмирал вспомнил, что первые пришельцы живут в новом времени уже более сорока лет. И живы ли они?

– Ну! – сказал адмирал своему адъютанту. – Рассказывай, Григорий, что теперь нам известно об этих таинственных аборигенах 20-го века.

– Из прибывшего модуля освобождены 4 человека. Мужчина – Карл Вундервег, его жена и двое детей: мальчик 11 лет и девочка 7 лет. Имена жены и детей не указаны.

– Дальше.

– Других сведений из института времени к нам не поступало.

– Они что, засекречены?

– Нет, господин адмирал. Просто в архивах таковые данные не сохранились.

– И что же нам теперь делать? – Адмирал сердито взглянул на лейтенанта и забарабанил пальцами по холодной поверхности серого базальта.

– Майор Бобров, по моей просьбе, связал меня с Управлением депортации населения на Земле. И, спустя некоторое время, мы получили справку о том, что в 2765 году гражданин Вундервег Карл с супругой, по настоятельной просьбе последних, были телепортированы в провинцию Суоми Королевства Скандия. Депортация Вундервегов производилась за счёт указанного Управления. О детях супругов Вундервег сведений с Земли не поступало.

– Та-ак! – немного повеселев, сказал адмирал. – Продолжай!

– Опять же, с помощью майора Боброва, мы получили из означенного Королевства информацию о том, что на территории Скандии проживает несколько десятков человек, являющихся потомками ныне здравствующего Карла Вундервега. Королевский сервер подтвердил факт депортации Вундервега с супругой с Земли в 2765 году. Сын Карла Вундервега Антон с супругой и детьми проживают там же на Скандии. Антон Вундервег переселился к родителям в 2771 году, после получения образования в Университете Брауна в Южном регионе Новой Зеландии. О втором ребёнке – девочке – ничего не сообщается.

Адмирал задумался. Выходило всё как-то не так, как ему представлялось в начале. Бородинский институт времени отпадал со своим сугубо научным профилем. А Королевство Скандия, приютившее аборигенов из прошлого, стало главным объектом на первом этапе расследования. Выходило, что дознание нужно начинать на территории, контролируемой Королевой Марго. Хоть самому перебирайся под крылышко «возлюбленной» и выведывай драгоценнейшие крохи истины.

– Ну что же, лейтенант Григорий, открывай в сервере новый файл и записывай всю полученную за сегодняшнее утро информацию. На первой странице зафиксируй регистрационный номер. Далее – сведения, полученные от профессора Депрези и имеющиеся информационные справки, в порядке их поступления. Далее – приложение: «Дневник Николь». Нам ещё предстоит изучить этот документ. Дознание будет поручено... – данную графу пропустим. За завтраком с полковником Хасаном определимся. А назовём мы это дело... Ну-ка, лейтенант, напряги-ка свои биокристаллические мозги...

– «Дело об исчезновении Николь Депрези», господин адмирал.

– Лучше и не придумаешь!

Адмирал степенно поднялся и лёгким движением руки дал понять лейтенанту, что тот – свободен. На этот раз «отсальтовал» космическими искрами, Григорий ушёл в свой сервер. Кот адмирала прыгнул с подоконника и прошествовал к выходу из кабинета. Остановившись у закрытой двери, он медленно повернул голову к хозяину.

– Нам пора навестить Клавдия? – спросил у Кота адмирал и, не дождавшись ответа, прошептал: – Ну, пошли, братец Кот! Пошли!..

Приложение первое.
Дневник пилота Машины времени
К делу «Об исчезновении Николь Депрези»
(Старая смоленская дорога. 1941—42 гг)

*Маме, Самуйловой Татьяне Герасимовне —
свидетелю жестоких времён — посвящается*

1

«Не думала, что мой прелестный мужчина Морис Руа такой завистливый! Зависть – ощущение досады, вызванное превосходством другого человека, обычно скрывают от окружающих. Однако мучительница душ нетерпелива и однажды вырывается наружу, и начинает мастерить гадости. Она отрицает и дружбу, и любовь. При ней утрачиваются многие прекрасные чувства, обретение которых требует времени, терпения и мужества...

Морис взорвался внезапно. И погубил наши общие достижения.

Я знаю Мориса год. Теперь вижу – не достаточно. Его душа раскрылась в критический момент, когда прекрасные чувства погасли, не справившись с напором обстоятельств, и рассыпались пылью у моих ног.

Морис считает, что причиной его неудач являюсь я, почти что суженая ему, «прелестная и навеки любимая» Николь Депрези де Фо...

Однако эти обстоятельства порождены не мной...

Нет, милый, не мной!..

Несмотря на важность осуществляемого предприятия, что отодвигает на второй план всё личное, во мне сохранилась любовная истома к этому человеку, подпорченная воспоминаниями о последней с ним встрече...»

...Ну вот, первая фраза в дневник пилота МВ продиктована...

Это лишь предисловие и к выполняемому заданию не имеет отношение. Отец рекомендовал рассказывать обо всём, что увижу, услышу, почувствую. И, конечно же, записывать на монокристаллы окружающее пространство. Запечатлеть прошлое в первозданном виде, без редакции, без поправок, без вмешательства моей женской «точки зрения». Даже если картинка из прошлого не нравится, отворачиваться от неё не следует... Высказывать своё особое мнение можно. А выбирать для записи только прекрасные солнечные закаты и притягивающие взор дикие пейзажи – нежелательно. Нельзя забывать о пещерах и живущих в них троглодитах, об обглоданных костях животных и кучках экскрементов у входа. Их речь, мимику, взаимоотношения полов запечатлеть обязательно, в любых натуральных позах. Словом, записывать всё...

Впрочем, это проект не моего путешествия. К троглодитам мы пожалуем чуть попозже...

А сейчас я навещу не столь далёкое время...

Вот только Морис всё является передо мной – путает мысли и слова...

Ну, нет его со мной! И речи о нём быть не должно! Следовательно, на Морисе нужно поставить точку. Предварительно пояснив – почему...

Руководитель проекта доктор Тулов из пятнадцати человек – группы испытателей Машины времени по проекту «Хронос» – в качестве возможных пилотов выбрал троих. В компании кандидатов оказались: Геннадий Седов, Морис Руа и я, Николь Депрези. Перед стартом

ГТК (грузового телепортанного корабля) «Мицар» с МВ (Машиной времени) на борту у Геннадия умер дедушка, и он отказался от полевых испытаний и тестирования. Я искренне полагала, что доктор Тулов отдаст предпочтение Морису. К тому же и он очень хотел пилотировать МВ. Его опыт и знания были на высоте.

И ещё – он нравился мне, как мужчина...

Я была уверена, что моё участие в экзаменах – простая формальность. Поэтому совершенно не волновалась, выполняя план испытательного прогона модулей и отвечая на многочисленные скоростные тесты психологов, техников, хроноскопистов и поляристов. И я не совершила ни одной ошибки. А у Мориса набралось около десятка непростительных ляпов. Наверное, волновался, и это его подвело. Доктор Тулов, не задумываясь, отдал «ключ» от Главного модуля МВ мне. И мы тут же приступили к предполётной подготовке ГТК, арендованного институтом для доставки МВ в точку хронопортации.

А Морис, повстречавшись со мной перед отлётом челнока с комиссией на орбитальную станцию, где техники уже снаряжали звездолёт, неожиданно сорвался и наговорил мне всяких гадостей. Чем расстроил меня и снова навредил себе. Доктор Тулов, узнав о нашей ссоре, тут же отстранил Мориса от работы в проекте и перевёл его в Париж, где ему предстояло заниматься преподавательской деятельностью в колледже. О решении Тулова я узнала в последний момент.

Просить о «помиловании» было поздно...

«Мицар» телепортировался точно по графику и унёс меня, безутешную, от Мориса Руа за добрый десяток парсеков. А машина времени «Хронос» сейчас разделит и наши времена...

Теперь я нахожусь в межзвездном пространстве галактики Млечный путь в точке, где 797 лет тому назад находилась планета Земля.

«Мицар» только что выпустил в чёрную пустоту капсулу с «Хроносом» и на маршевых двигателях спешно удаляется от места хронопортации...

Наступает очень важный момент в истории планеты Земля и в моей биографии...

Волнуюсь...

Нахожусь в защищённой от излучений кабине пилота и внимательно слежу за «рождением» искусственной каверны индивидуального пространственного «пузыря», в котором будет находиться машина времени до перехода в прошлое. Искусственную каверну создают полевые преобразователи, а я тихо сижу в окружении экранов и волнуюсь... и рассматриваю искривляющуюся пространственную сетку на аэромониторе.

Персональный собеседник МВ сообщает о выполнении главных задач:

«Сжатие ИП (индивидуального пространства) прошло штатно...»

«Совмещение ИП с ИВ (индивидуальным временем) реализовалось без отклонений...»

«Начинается движение в минусовом коллапсе...»

...Клочки разорванного пространства стремятся к центру взрыва и соединяются как пазл, в единое целое. В первоизданном виде, но только в прошлом времени. Это наш «комп» так фантазирует для меня первое путешествие во времени...

Получилось!..

Я невольно вздрагиваю, увидев на экране сегмент голубого шара, подёрнутый ватными клочками облаков. Солнце позади капсулы. Блик, отражённый от поверхности океана, немного слепит.

Включилась программа ориентации.

Модуль висит над планетой в пятистах километрах. Автоматика поиска точки, намеченной для внедрения «Хроноса», меняет орбиту капсулы. Тяготение вдавликает меня в кресло и размазывает картинки на экранах...

Вслушиваюсь в доклад персонального собеседника о перемещении во времени.

Крикнуть «ура!» не могу – гравитация по-прежнему сдавливает грудь...

Осуществлена контрольная сверка карты модуля с местностью в районе Бородинского заповедника.

А теперь – невесомость. Грудь разрывается от свободы. Сердце трепещет от радости. Сквозь набежавшие слезинки рассматриваю ночную планету.

Внизу настоящая пустынь. Редкие населённые пункты разбросаны вдоль дороги, петляющей среди непроходимых лесов.

Намеченная доктором Туловым точка на местности зафиксирована блоком ориентации МВ. Даю задание на внедрение модуля под известковый панцирь в песчано-глинистый холм. Это на западной окраине небольшого селения. Внедрение не должно потревожить местных жителей. И не должно привести к вспучиванию поверхности земли. Там, на глубине ста метров, в известковых отложениях имеются большие пустоты, заполненные минерализованной водой. В одну из таких «линз» телепортируется главный модуль МВ. Вместе со мной, разумеется...

Тихо, без ударов и потрясений...

На экранах проявляется иная картинка: влажная песчаная субстанция медленно стекает по поверхности видео датчиков и омывается мутной водой...

...Теперь предстоит длительная настройка всей машины, и налаживание постоянного канала связи с приемопередатчиком в институте. Началось тестирование наноплат. Медленная и необходимая работа на целую неделю...

«Организм» главного модуля приступил к расконсервации и сборке антенны временного канала.

Я нахожусь в нулевом «психологическом коллапсе». Кричать «ура!» почему-то не хочется. Хочется вылезти из замкнутого пространства капсулы и лечь на обычный диван, но нельзя.

Персональный собеседник монотонно напоминает, что меня «расконсервируют» не сразу – во вторую очередь. Значит, минут через сорок...

Устала! Можно отдохнуть и поскучать о Морисе...

И немного подремать...

2

...Приснился отец – молодой, высокий, красивый...

Таким он был в моём далёком и счастливом детстве, на Формозе. Там у нас замок на берегу озера и маленькая ферма. Отец любил проводить на ласковой планете отпуска. Конечно же, вместе с мамой и со мной, непослушной и капризной девчонкой. Именно там он был молодым, высоким и красивым...

После ухода от нас мамы отец изменился... Говорил, что мы с ним осиротели... а теперь вот, ушла и я. Ненадолго. Но данное мероприятие он считает рискованным. Перед стартом «Мицара» отец не отходил от меня. С нескрываемой печалью в голосе шептал родительские напутствия. Словно прощался навсегда...

А ещё приснился Морис. Он тоже прощался со мной... Только в его глазах блестела сталь ненависти. Как в тот злополучный час нашей размолвки...

Что за чепуха мне привиделась!!!

На самом деле среди провожавших «Мицар» я не видела Мориса Руа...

Просыпаюсь...

И сразу исчезают трепетные чувства к мужчине, который мне нравится.

Снова проявляется неприятный осадок, поселившийся во мне после ссоры...

Гектор – персональный собеседник основного модуля – монотонно сообщает, что расконсервированы вспомогательные аппараты «Хронос-2» и «Хронос-3». Мне предстоит проверить их работоспособность и испытать в деле...

«Хронос-2» – уютное временное жилище с уплотнителем пространства и многофункциональным суперфантомным бионом Уитни.

«Хронос-3» – миниатюрный персональный экипаж с АГ двигателем для путешествий по воздуху с безмянным фантомным пилотом – прелестное перламутровое страусовое яйцо.

Пребываю в отвратительном настроении...

С трудом восстанавливаю душевное спокойствие. Выхожу из капсулы в привычный мир тяготения. «Нормализуюсь» после «приватной» беседы с Морисом. Вернее, с его говорящим портретом. Красивая «голова» визави, уже в который раз, призналась мне в вечной любви...

Я поднатужилась и послала лъстеца к чёрту.

Морис подарил мне своё «видео» до ссоры. Теперь его красивые признания кажутся насмешкой над нашими бывшими и предстоящими отношениями...

«Утренний» туалет, гимнастика, завтрак.

Внутри «Хроноса-2» временное жильё для пилотов МВ – уменьшенная копия аналогичного отсека основного модуля. Здесь уютно, гораздо уютнее, чем в матрице. Обитель для одинокой дамы. Профессор Тулов сам настроил аппарат «под меня».

Смотрительница модуля Уитни – биофантом широкого профиля – разговаривает по-русски. Мне необходима разговорная практика. Ведь там, наверху, живут эти русские. Я не должна напугать местных аборигенов рокочущим гелакси. Он непохож ни на один из ныне существующих на Земле языков. Ну, разве что, немного на древний английский. Но и англичане меня бы не поняли. А ещё Уитни настоятельно требует от меня нормального произношения по-французски и по-немецки. По «легенде» я должна изображать француженку.

В течение двух часов изучаю историческую справку по данной местности на начальный период внедрения в прошлое. Видеохроника, статистика, экономика, политика и прочее...

Очень странно жили наши предки в те далёкие времена, ...то есть, живут сейчас, в настоящее время. Там, наверху. Они, при встрече, без переводчика, не могут понять друг друга. Возможно, из-за этого и враждуют между собой. Вот и сейчас сюда идут «враги» аборигенов, говорящие на ином языке. И они, согласно имеющейся в анналах модуля хронике, станут убивать хозяев этой земли...

Убивать-то зачем? Приехали бы просто так, например, в гости. Да и жить можно было бы вместе. Вокруг пустынь, чего её делить...

Дикие времена – дикие нравы...

Мы с Уитни просканировали поверхность песчаного холма и определили место для перемещения модуля «Хронос-2». Место выбрали удачное. Телепортация прошла без внешних изменений ландшафта. Теперь мы с Уитни находимся на глубине чуть более метра, в чистой и сухой песчаной субстанции. Над нами – заросли каких-то кустов и сорной травы. Жилища людей располагаются рядом. Ближайший дом метрах в трёхстах от нас.

На поверхности темно. Осенняя ночь. Значит, никто из аборигенов не мог заметить вспышки от внедрения «Хроноса» и, скорее всего, не обратил внимания на лёгкое содрогание почвы при выходе машины времени из ИП.

Почти час мы с Уитни изучаем альбом с образцами женской одежды середины двадцатого века, использовавшейся в данной местности в осенне-зимний период.

Я нахожусь в удручённом состоянии. То, что мне предстоит носить, при возможных контактах с местным населением, выглядит ужасно. Грубое нижнее бельё, неудобные платья и костюмы. Невообразимо тяжёлые и кургузые пальто и куртки из овечьих шкур. А головные уборы!.. – квадратные куски материи мрачных расцветок, иногда клетчатые, с бахромой по краям!!!

Обувь – ещё ужаснее. Грубые и тяжёлые резиновые сапоги, резиновые боты, валенки из спрессованной шерсти и даже лапти с онучами. Последние, кстати, – наиболее лёгкие и удобные для использования, как осенью, так и зимой...

Француженки из сельских районов одевались куда лучше и приятнее. Кое-что из французского «гардероба» я предложила Уитни синтезировать и разместить в моей комнате. Нижнее бельё пришлось комбинировать из местных вариантов и французских. Получилось нечто более или менее терпимое. Я примерила изготовленные образцы...

Оказывается, у биофантомов есть чувство юмора. Уитни смеялась вместе со мной, до коликов...

Второй вспомогательный модуль «Хронос-3» можно использовать для путешествий по окрестности, не привлекая внимания жителей. Перламутровое яйцо вместило в себя синтезаторы индивидуального пространства и индивидуального времени. Аппарат способен передвигаться по временному каналу из будущего в прошлое, используя для этого маяки Основного и Вспомогательного модулей. В нём можно жить все 797 лет и не состариться, так как индивидуальное время затормаживается в десятки тысяч раз. Лишь бы хватило энергии, вырабатываемой реактором аппарата...

3

...Небо чистое, без облаков. По воздуху, в волнах лёгкого ветерка, проплывают серебристые нити паутины. Их можно заметить по прицепившимся к ним жёлтым и коричневым кусочкам листвы и чёрным точкам мёртвых насекомых. Внизу петляет узкая лента дороги, сухая и белая от пыли, местами бурая от спрессованной глины и песка. Поднявшись от мутного ручья вверх по склону, дорога входит в селение. Здесь она имеет иной, светло-серый цвет. Вся её поверхность аккуратно устлана толстыми брёвнами. Бревенчатый тракт «протекает» между двумя рядами небольших жилых строений и резко спускается с заселённого холма в заболоченную низину. А затем, перешагнув ещё один ручеёк, тянется извилистой лентой среди густых зарослей, украшенных жёлтыми и красными кронами деревьев, в холмистую даль.

А вдали, среди серых соломенных крыш соседнего посёлка, виднеются церковные купола. Один выделяется серебристым пятнышком на фоне голубого неба. Второй словно парит под небесным сводом и сверкает позолоченным православным крестом. Оба притягивают взоры прохожих. Люди, идущие по дороге к храму, взглянув на мерцающую впереди звёздочку, крестятся и кланяются, шепча молитвы. Лица прохожих печальны. Во взгляде – тревога...

Сверху видно, как на лугу возле жилищ бродят домашние животные. У каждого дома суетятся люди – взрослые и дети. Большинство из них копаются в огородах.

Соблюдая осторожность, снижаюсь...

...Улица селения пустынна. Возле крайнего дома, у плетённого из ивовых веток забора, в сухой листве копошатся куры. Во дворе, около входа в дом, стоит бурая корова, медленно жующая траву из валяющейся перед ней охапки. Рядом, прижавшись, друг к дружке, стоят овцы. Они торопливо выщипывают из той же охапки более нежные стебельки. Жуют быстро, опасливо поглядывая на задумчивую Бурёнку с философским взглядом на окружающее пространство...

За домом, на небольшом участке взрыхлённой почвы, работают две женщины. Та, что моложе, бойко вскапывает вилами тёмно-коричневую землю, а старшая, разрыхляя её руками, извлекает большие светлые клубни картофеля. Картофель укладывают в круглые корзины, и переносят в погреб, который находится за жилым домом, рядом с санным сараем.

Женщины переговариваются, но работают быстро, не останавливаясь для отдыха.

На западе от селения слышны громовые раскаты. Женщины, услышав их, вздрагивают и, не поднимая голов, быстро крестятся и шепчут какие-то слова. Они, скорее всего, просят

защиты у Бога и, одновременно, умоляют покарать тех, кто решился посягнуть на их мир и сейчас неумолимо приближается к не защищённым жилищам.

4

Возвращаю модуль на улицу и осторожно ступаю на пыльную тропинку перед домом. Осматриваюсь. На улице никого. Куры, копавшиеся в пыли около покосившегося плетня, увидев меня, всполошились и шумно разбежались в разные стороны.

Критически осмотрела свой необычный наряд. Он вполне по сезону. Синее платье с длинными рукавами, серый жакет, синие кожаные туфли на среднем каблучке, белые чулки до колен. На голове голубой берет без каких-либо украшений. Главное, чтобы ни бросались в глаза излишества в одежде.

Женщины увидели меня не сразу. Я подошла к ним вплотную, а они продолжали рыхлить землю с усердием обречённых на вечный труд рабов.

Младшая из женщин, лет тридцати, первой взглянула на меня и с удивлением замерла.

– Что, Танюша? – спросила старшая и тоже повернулась ко мне.

– Здравствуйте! – сказала я, старательно произнося каждый звук в слове.

– Здравствуй, деточка! – ответила старшая женщина. – Ты, чья же будешь?

– Беженка. Из Парижа.

– Ах! – покачав головой, сказала старшая женщина. – Наверное, кушать хочешь!? Теперь все бегут от немца! Голодные, холодные! Танюша, отдохни маленько. Я девочке молочка налью. Пошли в хату, деточка! Я сейчас подою корову и накормлю тебя. Парное, оно – полезное. А мы вот, картошку никак не докопаем. Мужиков наших всех на войну забрали. Где они теперь, никто не знает! Вот с дочкой одни копаемся. Горе-то, какое! Прокопа, сына старшего, совсем недавно проводили. На поезде увезли, на запад. А немец, вот он уже. Где-то под Гжатском. Скоро у нас будет. А Париж твой, далеко ли от нас?

– Далеко. Он находится за Германией.

– Как же ты сюда попала? К родне, что ли, приехала?

– Была в командировке, – ответила я, с сомнением, что старшая из женщин знает это замысловатое слово.

Но женщина кивнул, подошла к входу в дом и стала гладить корову, жующую сено, и что-то зашептала ей на ухо.

– Хорошо хоть сена успели накопить к зиме. Значит, не помрём от голода. Ты проходи в дом, не стесняйся. А я сейчас, только ведёрко возьму и Зорьку подою. А ты отдохни, деточка. С дороги-то, небось, ноженьки устали!

– Вы не беспокойтесь, – сказала я первую сложную фразу. – За молоко большое спасибо. Я ведь только хотела спросить, какое сегодня число. Долго в дороге была. В голове всё перепуталось.

– Сегодня, деточка, двадцать девятое сентября.

– Спасибо.

Я села на ступеньки, возле пахнувшей молоком и сеном коровы и стала наблюдать за работой женщин. Младшая, Танюша, продолжала копать картофель, совершенно не обращая на нас внимания.

Двадцать девятое сентября 1941 года!

Теперь можно зафиксировать точную дату проникновения первой Машины времени в прошлое. Она сохранится «на века» в серверах всех трёх модулей.

...Молоко удивительно вкусное. Такое к нам в Бородинский филиал института поставляют из сельскохозяйственных колоний на Формозе и Скандии. Но оно очень дорогое. Гораздо

чаще мы пьём синтезированное. Но это, шипящее, сладкое и тёплое, кажется напитком Королей. Или Богов...

Два серебрянных полтинника 1924 года выпуска, состаренных под «бывших в употреблении», женщина брать не хотела. Он сказала, что это «богатство» мне ещё пригодится в дороге. Но я тайком оставила монетки на ступеньках дома...

Прогулка к аборигенам помогла развеяться. По крайней мере, следующие три дня я плодотворно трудилась над расшифровкой древних карт планеты с точками внедрения контрольных телепортационных блоков...

5

Предприняла первое ночное путешествие вдоль дороги на запад от поселения. Забыла спросить у знакомых мне женщин, как называется их деревня. При случае восполню пробел. Точно такие же островки цивилизации, большие или меньшие по числу домов, располагаются на небольшом расстоянии друг от друга на протяжении тридцати километров. У небольшого городка, вероятно Гжатска, вижу скопление военной техники германских войск. Танки, самоходные артиллерийские установки, бронемшины, мотоциклы, пушки в конных упряжках, грузовые автомобили, наполненные боеприпасами, провиантом, техникой для оперативной связи, вытянулись в стальную многокилометровую змею на узкой бревенчатой трассе. Рядом огромная масса солдат и офицеров, суесящаяся в «броуновском движении» вокруг скопления техники. Я наблюдаю окружающее пространство с высоты птичьего полёта. Никто бронированную мощь врага не атакует, никто не пытается её остановить. И она, как сжавшаяся пружина, готова выпрямиться и с рассветом ринуться в нашу сторону, к Москве. Но ночью военные отдыхают. Они спят возле машин, пьют награбленную по пути русскую водку, играют на губных гармошках и громко поют немецкие военные марши.

Я ощущаю, как в прохладном ночном воздухе витают запахи гари, солярки, бензина...

Я чувствую, как пахнет потом от отдыхающих людей и распряжённых лошадей...

Я слышу вопли пьяных солдат и истошные крики насилуемых девушек...

Мне становится не по себе...

Спешно возвращаюсь в модуль...

Уитни долго занимается моим телом и душой...

6

Никаких активных действий! Только пассивное наблюдение!

Если я нарушу эту «заповедь», то совершу преступление, влекущее за собой необратимые последствия. Переplastовка во времени может уничтожить моё «истинное будущее» и я вернусь в чужой для меня мир.

«Легенды» о параллельных пространствах, наверное, имеют под собой почву. Скоро, вслед за мной, в прошлое устремятся потоки исследователей и они, когда-нибудь, станут совершать ошибки – умышленно или по неосторожности изменят историю человеческой цивилизации. И аномальные «призраки» в виде теней, «читаемые» точными приборами, будут преследовать человечество до скончания дней. А неопознанные летающие объекты с древних времён уже проникают в наш мир, пугая своими появлениями обывателей и настораживая учёную братию. А те, в свою очередь, озадаченные «очевидным и невероятным», ищут точки проникновения к призракам, порождённым нашими «оплошностями», или нашим же воображением...

Но, может быть, ошиблись не МЫ, а ОНИ? И НЛО, и прочая «анормальность» – это их попытки узнать, кто же мы, на этом свете? И что из нас получилось в результате их экспериментов со временем и пространством?..

Если ошиблись те, из потустороннего пространства, то мы для них – жители большого муравейника. Существа весьма опасные, не пригодные для прямого контакта...

7

В эту ночь я не могла находиться в модуле и вышла на поверхность. Просто так, подышать осенним прохладным воздухом.

Деревня спит. Застывшую в ночи тишину изредка нарушают падающие листья и шорохи под черёмуховым кустом. Наверное, мыши. Внизу, у основания холма, еле слышно журчит безымянный ручей...

Несколько минут сижу на валявшемся возле куста бревне и наблюдаю исходящий диск Луны, безоблачное небо, усыпанное яркими мерцающими звёздами...

Дымком потянуло снизу, от ручья, вместе с неторопливым прохладным ветерком.

Перехожу в модуль и опускаюсь к зарослям.

За косогором, у самой воды, увидела огонёк костра.

В круге колеблющегося света расположились трое мужчин. Солдаты. Разговаривают по-русски.

Модуль висит в нескольких метрах от отдыхающих, в зарослях, среди пушистых еловых лап. В зыбких отблесках затухающего костра вижу всех троих. Один из солдат, старший по возрасту, лет сорока, достаёт из вещевого мешка грязные клубни картофеля, обмывает их в ручье и бросает в костёр. Второй, лет тридцати, сучковатой палкой нагребаёт тлеющие угли на клубни и проверяет их готовность к употреблению. Третий, совсем молодой, лежит на растеленной возле огня ватной куртке и изредка постанывает. Гимнастёрка у солдата разорвана. Виден окровавленный бинт, опоясывающий грудь юноши. Старший солдат изредка наклоняется к раненому и протирает ему лоб влажной, не первой свежести тряпицей.

– Потерпи, лейтенант! Сейчас откушаем картошечки и донесём тебя до наших. Потерпи, командир!

Второй солдат совершенно не обращает внимания на стонущего товарища. Его деятельность сосредоточена только на еде. Запеченные клубни он выуживает из пылающих углей не защищёнными руками, игриво подбрасывает вверх и шумно дует на обожжённые пальцы. Потом разламывает чёрные комочки пополам и жадно проглатывает вместе с запекшейся в золе корочкой. Руки и рот парня черны от сажи. Он изредка «приводит» себя в порядок, вытирая ладони о замасленности до блеска гимнастёрку, или проходит засаленным рукавом по закопченным губам.

– Остепенись, Бачурин! – ворчит старший солдат, когда его попутчик принимается за очередной клубень. – Мы с командиром ещё не ужинали, а ты уже половину мешка оприходовал!

– Да ладно тебе, Митрич! – хохочет Бачурин. – Командиру еда, может уже, и не понадобится. А нам она в самый раз. А картошкой сейчас в любой хате можно разжиться.

– Покорми-ка лучше командира, балаболка! Только аккуратно! Не обожги!

– Не бойся, Митрич! Я теперь насытился и, потому, спешить не буду.

– Вот, возьми ложку. Ею удобнее кормить. И немножко солью окропи. Сам-то без соли, гляжу, трескал?.. И корки горелые ему в рот не пихай!

– Ладно, ладно, Митрич! Горелые корочки я сам употреблю. А соль, это белая смерть.

Проследив за действиями Бачурина, Митрич тоже принимается за еду. Он аккуратно разламывает клубни, посыпает солью и отправляет в рот. Тоже вместе с подгоревшей корочкой. Каждую порцию запивает водой из ручья, и каждый раз оmyвает руки. Наевшись, Митрич старательно умывается и приводит свою одежду в надлежащий вид. Выгоревшую от солнца гим-

настёрку заправляет под ремень. Ворот застегивает до последней пуговицы. На седые волосы одевает пилотку. Симпатичный аккуратист. На него приятно посмотреть...

– Ну, всё, Бачурин. Можем продолжать путь.

– Вздремнуть бы трошки, Митрич, – говорит, потягиваясь, Бачурин и накидывает на себя ватник, – а то совсем обессилим. Лейтенант ногами слаб. Почитай весь путь на себе тащить придётся. И вообще...

– Некогда нам дремать, Бачурин! Немец по пятам прёт! Сегодня, поди, будет впереди нас. А мы тут расслаживаемся...

– Интересно, где мы сейчас, Митрич?

– Уваровка недалеко! – прохрипел лейтенант. – Я эту дорогу знаю. Здесь, где-то рядом, деревня есть. Кажется – Грачёвка. Я карту смотрел у ротного, царство ему небесное...

– Уваровка, это что, районный центр?

– Да! Мы в Уваровском районе.

– Это же Московская область, Митрич! – воскликнул Бачурин. – Стало быть, и до Москвы недалеко!

– Километров сто пятьдесят, – прошептал лейтенант и откинулся на ватник. – Вы бы меня до Грачёвки... Может быть, там ещё наши!.. Армейские!

– Да вряд ли, товарищ лейтенант! Мы уже с десятков таких деревень прошли. Кроме стариков да баб, нет там никого. А нашим братом и до этого не пахло. Да и техники мы не видели. Начальство, видимо, реквизирило всё, для военных нужд. Даже колхозные конюшни пусты. Так что, пешим порядком двинем к столице нашей Родины!

– Митрич! – заговорчески шепчет Бачурин, наклонившись к старшему по возрасту сослуживцу. – Отойдём-ка в сторонку.

– Военной тайной хочешь поделиться, что ли? Ну, чего тебе, Бачурин? – осведомляется Митрич.

– Нам бы лейтенанта пристроить к какой-нибудь бабёнке в этой деревушке. Может, отлежится при ней до полного выздоровления...

– Ты чего, Бачурин! Немец же, говорю, по пятам прёт! И некому его сдержать! А в Грачёвке этой он непременно чистку устроит! Командира тут же в расход пустят! Он же – офицер и коммунист!

– Ну, ладно-ладно! Это я так... Если бы налегке, мы бы уже под Можайском были. А там – точно наши... Должен же быть где-то боевой заслон!

– Где-то, наверное, он есть... Скоро рассветёт. Ночи сейчас длинными стали. И сильно похолодало! Хорошо хоть дождя нет. Бабье лето выручает нашего брата. Бери Бачурин винтари, а я с лейтенантом, и вперёд! Тут горка крутая. Выйдем на «смоленку» – легче будет!

– Винтари! – буркнул недовольно Бачурин, поднимая с земли оружие. – На три ствола два патрона! Фрицы прямо-таки в штаны наложат, узнавши о нашей огневой мощи!

Митрич пригоршнями плеснул водой из ручья на тлеющие угли. Костёр сердито зашипел, и округа погрузилась во мрак. Лишь лунный свет дразнился тусклым серебром. Воины, бормоча о тягостях и лишениях в их жизни, пошли вдоль журчащего в зарослях ручья к белеющей рядом дороге.

Это была старая смоленская дорога. И деревня, возле которой мы оборудовали пересадочную станцию Машины времени, называется Грачёвка. Я нашла в сервере модуля кроки старых карт из атласа и сверилась с «информацией», полученной от солдат. На картах значился посёлок Уваровка. Но места бывших мелких населённых пунктов, топонимисты будущего почему-то отметили безымянными кружками. Недоработка...

Утро выдалось тихим и прохладным. Бледный диск Солнца выплыл на голубой небосвод и завис перед Грачёвкой, словно не решаясь двигаться дальше, по проторенному временем пути. Над соломенными крышами домов из печных труб медленно вытекают и тут же зависают сизые клубы дыма. Слышится лай собак, мычание коров, бляение коз и овец. На приусадебные участки снова вышли женщины, дети, старики и принялись докапывать оставшиеся картофельные грядки. Кто-то суетится возле сараев, «воюя» с дровяными поленьями и кучами извлечённого из коровников навоза. Женщины с вёдрами собрались возле колодцев и что-то обсуждают. В нависшей над деревней тишине хорошо слышны их звонкие голоса...

Мужчин призывного возраста в деревне нет. Только один чудаковатый парень, лет двадцати пяти, гоняется по огороду за рыжей взлохмаченной дворняжкой и призывает её остановиться. Собака не даёт и, петляя между кучками высыхающей картофельной ботвы, норовит пробраться через плетень. Это ей удаётся. Она с трудом форсирует забор в прогалину между сухими прутьями и, виновато оглянувшись на хозяина, трусцой бежит к кустам дикой черёмухи. Хорошо видно, что дворняжка держит в зубах такого же рыжего, как и она, щенка. Спрятавшись в зарослях, сука покрутилась между прижавшихся к земле веток, и нырнула к корявому стволу самого большого дерева. Там она бережно уложила детёныша на опавшую листву, несколько раз лизнула его, и вернулась на поляну. Парень, выражаясь нецензурно, уже шествовал к черёмухе. В руке суковатая палка, которой он помахивает, словно витязь мечом.

– Альма! Иди ко мне! – басит парень, заметив суку. – Где спрятала своего гадёныша!? Ишь, чего удумала! Скоро самим жрать будет нечего, а она пятерых принесла! Показывай, где спрятала!

Альма обиженно твякнула и потрусилась перед парнем, вдоль кустов, отвлекая его от места нахождения щенка. Детёныш, словно чувствуя нависшую над ним беду, стал зарываться в коричневую листву. Спрятав мордочку, затаился.

Альма вильнула хвостом, оглянулась на рассерженного хозяина, и изменила маршрут движения, направившись к дому.

– Всё равно, утоплю гадёныша! – рявкнул парень и не стал преследовать собаку. Подошёл к зарослям и принялся шарить палкой среди веток. Но проникнуть к стволу разлапистой черёмухи ему не удалось. Щенок не выдавал своего присутствия, распластавшись на кучке грязно-коричневой листвы.

– Да и хрен с тобой! Сам подохнешь! Сейчас мамашу посажу на цепь, и тебе наступит конец! Ишь, расплодился!.. Гришкин кобель, видать, расстарался!..

Парень со злостью запустил дубинку в кусты и, бурча под нос ругательства в адрес Альмы и соседского кобеля, зашагал к дому.

Щенок некоторое время лежал, притаившись, а, затем, вынырнул из-под листьев, пискляво твякнул в сторону удаляющегося хозяина, и смело засеменял следом, деловито приносясь к запахам, оставленным матерью...

Где-то далеко на западе зарокотали пушечные выстрелы. Они продолжались несколько минут.

Маленький рыжий комочек, услышав тревожные звуки, встрепенулся, приостановил движение к дому, поднял правое ушко и, с удивлением в коричневых глазах-бусинках, стал вслушиваться в далёкие раскаты. Альма, озираясь по сторонам, выскочила из-за увядавшего клубка лопухов и конского щавеля, схватила щенка за шкурку и поскакала к чернеющему возле родного дома плетню.

Грохот постепенно затих.

Лишь изредка над Грачёвкой раздавался тонкий протяжный свист, от пролетающих снарядов. И один раз, за огородами, на противоположной стороне деревни, прозвучал тяжёлый взрыв, всколыхнувший наступившую после канонады тишину. Земля слегка вздрогнула и снова замерла, в ожидании наползающей на неё кровавой тени войны...

9

Несколько часов проверяла работу настроенных блоков главного модуля. Гектор подробно рассказал о досрочном пуске возбудителя фактора «Зет». Фактор, создающий индивидуальное пространство в мобильной каверне индивидуального времени, возбуждался медленно. Для полного восстановления потребуется около полугода. Зафиксированный настроечный процесс начинался штатно.

Четыре телепортантные станции, разбросанные по планете в зоне действия модуля, законсервированы «до востребования». Теперь они будут ждать первых пассажиров из будущего.

Стартовая установка опечатана самим Туловым и настраивается без контроля со стороны бионов и пилота. То есть, без непосредственного контроля...

Профессору виднее! По его мнению, такая предосторожность исключает воздействие «человеческого фактора» на работу главного модуля Машины времени.

«Ошибка в настройке, это – провал в многотрудной и долговременной деятельности огромного штата учёных нескольких институтов и эпохи в целом». Так говорил Тулов, пряча саквояж со «стартовой кнопкой» во чрево «идеальной недоступности».

10

Стальная змея, дремавшая в прохладной октябрьской темноте, медленно пробудилась и принялась изрыгать сизые клубы дыма. Лязгая железными гусеницами, она раздвоилась на две коричневые особи. Одна из них выползла на минское шоссе и заскользила к плохо организованному и слабо оснащённому заслонам на пути к Москве. Вторая «заюлила» по деревянному настилу старой смоленской дороги, навстречу взошедшему над багряным лесом солнцу.

Колонны военной техники, сопровождаемые мотоциклистами, появились из леса со стороны деревни Григоровка. Задержавшись на час возле небольшого селения Прокофьево, танки и самоходные установки медленно подползли к деревянному мостику через безымянный ручей. Командир первой машины видимо не решился въезжать на «нежное» строение, свернул вправо. Подминая под себя ольховые заросли, танк медленно прополз по дну ручья и вывернул на дорогу за мостом. Этому маневру последовали и остальные машины.

За мостиком начинался крутой подъём. Натужено гудя, часть техники свернула влево, на еле заметную тропу, проторенную деревенским стадом коров и телегами на конной тяге. Этот путь пролегал за грачёвскими огородами, и вёл, минуя деревню, в посёлок Уваровка. Более лёгкие машины медленно вползали по крутому склону в селение, попутно разрушая стальными гусеницами деревянный настил.

Грачёвка предстала взору въехавшим военных селением пустынным, словно вымершим. На белой от пыли улице не видно ни людей, ни животных.

Дорога, рассекавшая деревню надвое, украшенная берёзами с пожелтевшими кронами и ещё зелёными липами, видимо встревожила пришельцев своей странной пустотой. Первый танк замедлил движение, а, затем, остановился, притормозив всю колонну.

Деревья, растущие по бокам тракта, между проезжей частью и дорожками вдоль заборов, закрывали собой убогие, крытые, соломой славянские строения.

Выглянувший из люка танкист с опаской огляделся и осторожно выбрался наружу. Немного посидел на башне танка, а потом достал из чёрной кожаной кобуры воронёный «Вальтер» и трижды выстрелил в воздух.

По обочине к головному танку подъехала серая легковая машина, и из неё вышел офицер – высокий, молодой, вальяжный. Танкист убрал оружие и спрыгнул вниз.

– Ну что? Никто нас не встречает? – спросил офицер танкиста.

- Никто.
- Дикари! Они не имеют никакого отношения к европейской цивилизации!
- Да, Генри! Страшно себе представить объём работы, которую придётся проделать, облагораживая наши новые территории.
- А мы, Август, заставим этих дикарей строить нам новые дороги, пахать наши новые земли и соблюдать наш новый германский порядок.
- Думаю, Генри, этой чести удостоятся далеко не все!
- Не все, Август! Не все...

11

И всё-таки непрошенных гостей решили встретить...

Офицер Генри намеревался сесть в автомобиль, а танкист Август уже вскарабкался на башню танка, как их внимание привлекла фигурка человека, появившаяся из дома слева. Коренастый мужчина, лет пятидесяти, с могучей чёрной, местами седеющей, бородой, голубыми глазами, выделяющимся на смуглом лице, вышел на мощёный тракт метрах в ста от головного танка. Из дома за ним, было, кинулась женщина в длинном сером платье, что-то громко причитавшая. Но, увидев стоящие на дороге военные машины, всплеснула руками и засемила назад, быстро крестясь. А житель Грачёвки, широко расставляя ноги, стал медленно приближаться к немцам.

– А вот и делегат от местного населения! – крикнул танкист, стараясь пересилить урчание работающего мотора. Помедлив, он решил присоединиться к красавцу офицеру, и осторожно сполз по шершавой броне вниз. Правой рукой танкист расстегнул кобуру с «Вальтером», но оружие доставать не стал.

Офицер Генри вышел из автомобиля и остановился возле Августа.

– Колоритная фигура! – сказал танкист.

– Да, хауптман! Ты ещё не участвовал в боях с русскими! На твоих танках нет ни одной царапины от пуль и осколков! И тебе только предстоит узнать, на сколько колоритнее западных европейцев выглядят полуазиаты, обитающие в деревянных лачугах. Интересно, что он хочет от нас?

Мужчина остановился метрах в пяти перед военными и стал расстёгивать ватную безрукавку. Август выдернул из кобуры приготовленный к стрельбе «Вальтер».

– Спокойно, хауптман! У него там спрятана икона!

– Он хочет нас благословить на «ратные подвиги»?

– Для благословения на ратные подвиги русские используют образ святого Георгия Победоносца. А на нас смотрит Святая дева Мария с младенцем. Скорее всего, это символ милосердия. Он, вероятно, просит о пощаде к побеждённым.

– Поощадим, если победим!

– Не сомневайся, Август! Победа не за горами!

Бородатый сельчанин молча смотрел на незваных гостей, демонстрируя потускневшие от времени лики Христа и его матери. Кожа на лице мужчины, свободная от волосяного покрова, была гладкой и смуглой. Такие же смуглые мозолистые руки уверенно придерживали икону. Ярко-голубые глаза глядели спокойно и не излучали страха или ненависти к пришельцам. Скорее – любопытство.

Генри подошёл к мужчине и спросил:

– Юден?

– Боже, упаси! – тотчас воскликнул бородач и трижды перекрестился, повернувшись лицом к тускло сверкавшему на востоке кресту на куполе церкви.

– Твоё имя? – спросил по-русски Генри мужчину, снова повернувшегося к офицерам.

– Яков Шилкин.

– Яков!? – с сомнением переспросил Генри и утвердительно добавил: – Юден!

Яков Шилкин протянул к немцу обе руки ладонями вверх. Украшенные жёлтыми буграми мозолей, в некоторых местах потрескавшиеся от тяжёлой работы, огромные руки крестьянина оказались лучшим документом для любопытного офицера.

– О, да! У юден руки, как у меня! – Генри снял с правой руки кожаную перчатку и показал её Якову. На сухой мертвенно-бледной ладони офицера, кроме папиллярных узоров и тонких морщинок, иных «изъянов» не было. – Я никогда не видел юден крестьян. Юден много сочиняют музыки и книг. Они много играют и поют. Они много думают и очень часто придумывают что-то новое, для того, чтобы ничего ни делать руками до появления таких мозолей, как у тебя, Яков. Ты – труженик! И ты ничего не придумал и не сделал для улучшения своей участи. Тяжёлый труд кормит тебя и твою семью. Ты и твои потомки обречены на вечный труд. Потому что ты не умеешь думать. И ты не знаешь, как научить думать своих детей и внуков. Фюреру понадобятся работники вроде тебя. Которые не думают, а работают, работают и работают! Работа делает человека свободным. От всего!..

Август подошёл к Генри и молча наблюдал за происходящим. Генри обернулся к Августу и сказал:

– Этого бородатого мужика я назначаю старостой деревни. Скажи ефрейтору Липке, что бы в дом старосты не поселяли солдат. И пусть выдаст из трофейных продуктов сахар и масло для его семьи.

– Слушаюсь, гер майор!

Генри обратился к Якову Шилкину и по-русски сообщил о его назначении старостой деревни Грачёвка.

Шилкин не изменился в лице, не выразил ни одним движением какой-либо реакции на услышанное. Он продолжал стоять посередине улицы и, вместе с девой Марией и юным Христом, изучал «маячивших» перед ним немецких офицеров.

Генри, более не обращая внимания на назначенного им старосту, сел в автомобиль и быстро выехал на тракт. Головной танк во главе с капитаном Августом плюнул сизым дымом в кудрявую берёзку, сшибая жёлтые листочки, и, лязгая гусеницами, пошёл на Якова. Тот от наплывшей на него копоты закашлялся и сошёл на обочину.

Танки поползли вперёд, следом за легковым автомобилем и за стайкой мотоциклов, которые шустро выныривали с обеих сторон колонны и, наполнив благословенную тишину и покой треском и смрадом, устремились на восточный конец селения.

12

Женское любопытство – мой основной недостаток. Меня прямо-таки тянет увидеть, что же здесь произойдёт...

Только не вмешиваться!

Наказ Тулова, как стержень, укрепляющий хрупкий монолит, удерживает меня от незапланированных поступков...

13

Основная часть тяжёлой техники проходила по дороге на северном склоне грачёвского холма. В деревню, вместе с танком капитана Августа, вошли несколько грузовиков и десятка три мотоциклов. Танк проследовал к концу селения и свернул на бугорок возле последнего дома. Дорога за деревней уходила круто вниз и вела к следующей возвышенности, на которой виднелись крыши соседней деревни.

Август покинул башню танка и, насвистывая модную мелодию «наши офицеры сейчас пойдут гулять», прохаживался около машины, давая наказ экипажу на соблюдение бдительности. Мотоциклисты, совершив стремительный рейд до следующего селения, возвратились в Грачёвку. Они выстроились в шеренгу на бревенчатом настиле тракта и выслушивали инструктаж ефрейтора Липке.

Майор Генри оставил машину в переулке между домами, поднялся на бугорок к Августу, где стал рассматривать в бинокль видневшиеся на востоке церковные колокольни. Они возвышались над округой, мерцая под неярким осенним солнцем позолоченными крестами.

– Август, – обратился Генри к капитану. – Ты можешь продемонстрировать свои способности в стрельбе по неподвижным целям?

– Могу, гер майор.

– Да ладно, тебе, Август! Называй меня просто – Генри. Видишь колокольню с православным крестом?

– Далековато! – сказал Август, оценивая расстояние на глазок. – Да и наши где-то там, на подходе.

– Наши части задержались в посёлке. – Генри достал из бокового кармана кителя карту и по слогам прочитал: – У-ва-ров-ка. Там население оказало наступающим войскам вооружённое сопротивление. Проводится чистка...

– Ну что же, попробуем... – неохотно согласился Август и дал команду заряжающему подготовить пушку к стрельбе. Ещё раз всмотрелся в призрачную «мишень», до которой было километра три, и шустро влез внутрь машины. Там он долго ловил сверкающий крест в окуляре дальномера, высчитывал углы и допуски, вспоминая баллистические расчёты из учебников, проштудированных в офицерской школе. И, наконец, выстрелил.

Генри припал к окулярам бинокля. Через пару секунд он радостно воскликнул и кинулся поздравлять удачливого стрелка.

Август соскользнул с машины и принял от товарища бинокль.

Колокольня горела. Всё ещё сверкающий крест накренился и был готов рухнуть вместе с поверженным куполом вниз.

– Господь накажет меня! – глухо проворчал хауптман.

– Ну что ты, Август! Это ведь не первый твой грех! И не последний...

Выстрелы прозвучали почти синхронно. Стреляли снизу, из кустов, которые начинались в пятидесяти метрах от бугра.

Август выронил бинокль и соскользнул к гусеницам танка.

Генри схватился за шею, прижимая правой рукой пульсирующую кровавым фонтаном рану. Он стоял неподвижно, опираясь левой на холодную броню, и печально смотрел на умершего друга.

Август лежал лицом вверх. И Генри отлично видел чёрное отверстие в центре высокого лба танкиста. Кровь из него не сочилась. Из раны поднимался еле заметный язычок пара...

Танкист-механик первым заметил раненого майора и поднял тревогу.

Ефрейтор Липке тут же закончил инструктаж и привёл себя и команду в боевое состояние. Солдаты быстро вооружились автоматами, покоившимися в колясках мотоциклов, и цепью побежали к танку и к зарослям, прятавшим удачливых стрелков.

Автоматные очереди в клочья разнесли осеннюю красно-желтую поросль, напитав округу запахом сгоревшего пороха.

Липке вызвал через рацию танка военного врача. Он прибыл на санитарном автомобиле через пару минут.

Взглянув на мёртвого офицера-танкиста, молодой лейтенант в белом халатике умелым движением руки закрыл ему глаза.

– Как его имя? – спросил он у ефрейтора.

– Хауптман Август Райберг, гер лейтенант. А это майор Генрих Линкер. Но с ним следует поторопиться! Сильное кровотечение!

Солдаты, закончив стрельбу, досконально проверили обгрызенные пулями кусты и извлекли из них тела двоих мужчин и их оружие...

14

Это были те самые русские солдаты...

Бачурина я узнала не сразу. Его тело, облачённое в пропитанную кровью гимнастёрку, оказалось буквально изрешеченным пулями. Только пухлые губы не были в крови. Они замерли с налётом презрения к врагу, и всё ещё хранили следы сажи от печёной картошки.

Лейтенант выглядел несколько лучше. Единственная пуля, поразившая юношу в сердце, остановила его мучения навсегда. Марлевая повязка, укрывавшая старую рану на груди молодого командира, напиталась свежей кровью и сползла к поясу...

Майор Генрих Линкер, или просто – Генри, поддерживаемый под руки ефрейтором Липке и военным врачом, был препровождён в санитарный автомобиль. По пути он успел разглядеть тела погибших русских солдат.

– Значит, Господь всё-таки есть! – тихо сказал майор и потерял сознание.

А в ветвях огромной пушистой ели, возвышавшейся рядом с изуродованными автоматными пулями зарослями, прятался третий воин. Немецкие автоматчики не додумались расстрелять могучее дерево. И это спасло Митрича.

У Митрича имелась исправная винтовка. Но у него не было ни одного патрона. А ему так хотелось выстрелить в краснорожего ефрейтора, суетившегося возле поверженных фашистских офицеров...

– Молодец, Бачурин! – вытирая набежавшие на глаза слезинки, шептал старый солдат. – И лейтенанту спасибо! Я бы, «слепота куриная», промахнулся! Ей Богу, промахнулся бы! Но я своё ещё наверстаю! Вот достану патроны, и наверстаю! А вы, ребята, спите спокойно! Я за вас обязательно повоюю!

15

Уитни около часа «возилась» со мной... Меня рвало, в прямом смысле этого слова. Стоило прикрыть глаза, как передо мной возникала картина, увиденная на восточной окраине Грачёвки...

Испытаний такого рода с будущими пилотами «Хроноса» Тулов не проводил. А надо бы!..

А, впрочем, меня никто не обязывал совать свой нос в «дела давно минувших дней». Если бы Тулов знал, что здесь всё так сложно, он исключил бы несанкционированное появление пилотов Машины времени среди аборигенов. Для этого нужно лишь изъять из проекта вспомогательный модуль «Хронос-3» – маленький перламутровый шарик, эксплуатируемый мной в качестве персонального транспортного средства...

Спустя час, после успокоительного тренинга с Уитни, я отдыхала в мягкой и тёплой постели, напившись коктейля с биовосстановителем...

16

Однако женское любопытство снова повлекло меня на поверхность планеты.

Я считала, что без меня там может произойти нечто, что я пропущу, не увижу, и потом об этом пожалею...

17

Ночью стукнули заморозки. Серебристый иней на тёмно-зелёной траве едва белел свежими кристалликами в предрассветных сумерках. А в лучах восходящего солнца вдруг засиял бриллиантовой россыпью и тут же превратился в капельки росы. Звезда ещё согревала эту часть планеты, доставая золотыми лучиками укромные уголки. Воспарившая влага не сразу улетучивалась, а превращалась в сизую пелену тумана, который плавно сползал по склонам холма в низины, а оттуда медленным потоком заплывал в заросли, тянувшиеся вдоль безымянных ручейков...

18

Деревня проснулась рано.

Чуть свет около каждого дома уже суетились хозяева – наводили порядок на огородах и в сараях со скотиной. Из этих же домов на улицу выскакивали оголенные по пояс немецкие солдаты, умывались холодной водой, делали зарядку, и что-то громко рассказывали друг другу. Было слышно, как они задорно смеются, показывая на укутанных в платки старух, идущих с ведрами к колодцам. Ещё больше их возбуждали бородатые старики, курившие самодельные сигары, свёрнутые из клочков газеты и начинённые нарезанным вручную самосадным табаком. Солдаты, изображая ужас в глазах, просили разрешения у стариков затянуться чадающей на всю округу «цигаркой», а потом долго кашляли, отмахивались от клубов ядовитого дыма, и, с нескрываемым уважением к «русским свиньям», осторожно возвращали «махорочное исчадьё» ухмыляющимся бородачам. Потом солдаты завтракали, выпивали маленькие чашечки пахучего кофе и большие кружки парного молока. Молоко им нравилось больше.

Ефрейтор Липке шёл по улице, отыскивая дом старосты, назначенного ещё вчера майором Линкером. Следом медленно двигался грузовик, нагруженный мешками с сахаром и ящиками со сливочным маслом. Наконец Липке увидел красивый домик, крытый щепой, и борода того мужика возле него. Того, что появлялся вчера перед колонной с иконой на груди. Взмахом руки ефрейтор остановил машину и направился к старосте.

– Ты кто? – спросил ефрейтор мужчину по-немецки.

– Яков Шилкин.

– Якуб? – Липке достал из кармана шинели блокнот и отыскал в нём запись, сделанную накануне. – Якуб Шилкин?

– Да! – кивнул Шилкин.

– Говоришь по-немецки?

– Найн! Их ферштее дойч... айн вениг, абер шпрехе нихт!

– Ты понимаешь по-немецки, но не говоришь! Очень хорошо! Тогда слушай! В вашей деревне расквартирован небольшой гарнизон немецких солдат. Тебя назначили старостой. Ты должен организовывать и поддерживать в деревне новый порядок. Ты должен написать список жителей, в семьях которых есть коммунисты и офицеры Советской Армии.

– Кайне коммунистен, кайне официрен! – сказал Шилкин, невозмутимо посмотрев в глаза ефрейтору.

– Хорошо, что нет коммунистов и офицеров! Но мы будем проверять! Потом! Сейчас, вместе с жителями деревни, мы будем обеспечивать успешное наступление немецких войск на Москву. Мы скоро победим! И ты нам в этом будешь оказывать содействие. Ты понял меня?

– Да, – сказал Шилкин.

– Очень хорошо! – Липке осторожно вырвал из блокнота несколько листков бумаги и протянул их старосте. – К вечеру подготовь мне полный список жителей деревни и укажи в нём наличие домашних животных – коров, свиней, овец. Немецкой армии потребуется много свежего мяса.

Шилкин молча взял листки.

– А писать ты умеешь? – словно спохватившись, спросил ефрейтор.

– Умею, – ответил Шилкин.

– И ещё, – продолжил Липке. – Нужно закопать двоих русских солдат. Они находятся там, – ефрейтор указал рукой направление, – поблизости от крайнего дома.

– Похороним, – тихо сказал староста и тяжело вздохнул.

– Это – война! – Ефрейтор хлопнул Шилкина по плечу и повернулся к машине. – Курт! – крикнул Липке, выглядывавшему из кабины солдату, – выгружай продукты и заноси в дом к старосте.

Курт, белобрысый парень, быстро взобрался в кузов машины и стал выкидывать на дорогу мешки и коробки с продуктами. Одна из коробок от удара лопнула, и из неё вывалились жёлтые куски сливочного масла. Прямо в белую дорожную пыль.

– Осторожно, Курт! – проворчал Липке и направился к противоположному дому, возле которого гоготала компания военных.

– Ничего, – ответил Курт, зыркнув в сторону Якова, – русские свиньи и так сожрут! Интересно, где интенданты нашли это дерьмо?

– Наверное, в каком-нибудь русском магазине, – ответил ефрейтор.

Курт спрыгнул из кузова на дорогу и шустро взобрался в кабину.

– Забирай, гер староста! – крикнул он Шилкину из тронувшегося грузовика...

19

Через час Яков вышел из дома и направился к соседу.

Хозяин соседнего дома, старичок лет семидесяти, сидел на пне, рядом с кучей наколотых дров и ковырял в редких, изуродованных кариесом зубах приличных размеров щепкой. Увидев Шилкина, открывавшего калитку, сердито плюнул на поленья и нехотя встал.

– Здорово, Пётр Иванович! – сказал Яков, подходя к соседу.

– Ну! – ответил Пётр Иванович и снова погрузил в щербатый рот берёзовую «зубочистку».

Пётр Иванович был одет в грязную и изодранную телогрейку, ватные штаны, калоши, прикрепленные к голням лохматой верёвкой. На седой шевелюре красовался кожаный треух. Бороды он не носил. Однако на сморщенном от времени лице «красовалась» серебристая, недельной давности щетина. Глаза у старика от природы были добрыми. Но на Якова он смотрел с не скрываемой злобой.

– Что надо? – спросил он Якова, вынимая изо рта щепку, на которой висел кусочек не проглоченной пищи. Внимательно изучив найденный во рту «деликатес», старик слизнул его, старательно прожевал и проглотил. Прищурив левый глаз, повернулся к Шилкину.

– Дело у меня к тебе, Пётр Иванович.

– По поручению новых хозяев, что ли?

– По поручению, и от себя – лично.

– С оккупантами никаких дел иметь не желаю!

– Ты сначала выслушай, сосед, а потом возражай!

– Да какие у нас могут быть дела, Яшка? Я слышал, тебя немчура в начальники двинула! Кормёжкой, вон, завалили. Теперь, значит, отрабатываешь?

– Старостой меня назначили. Временно.

– Угу! – промычал Пётр Иванович и грузно сел на пень. – Излагай, Яша! Да только вряд ли я тебе сгожусь в помощники! Не той я веры, Яша.

– Вера тут ни причём! Слыхал, небось, вчера двоих наших солдат убили? За домом Фроловых. Похоронить их надо, по-христиански.

– Так в чём дело, Яков?

– Ты ведь в Грачёвке всем покойникам домовины мастерил. Смастери и им. Доски у тебя есть? Можно и не струганные. А то ведь в простынях придётся хоронить. Не по-людски как-то...

– Ишь, какой жалостливый! Что, и немцы не против?

– Не против. Наоборот, просили поспешить...

– Конечно же, ...по-христиански... – проворчал Пётр Иванович и опустил глаза. – Танюшка Фролова ещё с утра прибежала к нам. Они с матерью уже обмыли солдатиков. В чистое, говорит, одели. Лежат они за домом, у ёлки. Я Ваську послал, что бы могилку на двоих приготовил. Не везти же их на Уваровское кладбище. Там, говорят, людей покрошили, видимо-невидимо! И хоронить некому!

– Ну вот! А я тут перед тобой распинаюсь, Пётр Иванович! Стало быть, окажешь содействие?

– Пошли, примешь работу, господин начальник, – проворчал старик и поднялся с пня. – Васька, хоть и треснутый головой, а столярничать умеет. Помог мне с гробами. И яму добротную для воинов соорудил. Пошли, чего стоишь!

Пётр Иванович выкинул щепку-зубочистку и проводил Якова за дом.

На самодельном верстаке, притороченном к стене сарая, лежали два гроба. Сделаны они были на совесть. И доски оструганы, и привычный для гробов дизайн соблюден. На ромбовидных крышках домовин красовались православные кресты, выкрашенные чёрной краской.

Чудаковатый парень, тот, что гонялся по огороду за собакой Альмой, сидел тут же, на самодельном стульчике с высокой спинкой, украшенной витиеватыми узорами. Возле его ног лежала рыжая Альма, а на коленях сидел знакомый рыжий щенок, принимавший ласки от хозяина.

– Ты, Яков, попроси-ка своих начальников, что бы гробы доставили к дому Фроловых на машине. Тяжёлые они. Тонких досок не было. Пришлось половые пустить в работу. Для бани берёг.

– Попрошу.

– Ну, траурной материи тоже нет.

– Наши вернутся, перезахороним. Ты вот что, Пётр Иванович, вечером зайди ко мне. Я вам с Василием харчей подкину.

– Немецких, что ли? Из тех, что тебе выгружали?

– Они из наших магазинов. Награблены по дороге. Ну не пропадать же добру! Мы с Марфой и сами не бедствуем. Однако зима впереди. А они мне соли мешок, песку сахарного – тоже, сахар колотый – два мешка. И ещё четыре ящика сливочного масла. Правда, порченное оно, не свежее. Но я взял. Думаю, для деревенских нужд сгодится. Будет на чём картошку жарить.

– Вона как! Один, значит, трескать не желаешь? Совестьливый?

– А ты чего думаешь? Совестьливый! Да и немцы у нас не на век. Вот Сталин силушку поднакопит, и пойдёт супостатов восвояси. А я как потом буду в глаза людям смотреть!?

– Вот тогда и увидим, как ты будешь на нас зенки пялить! Когда Сталин их отсюда пойдёт!

– И ещё... Комендант гарнизона собирает сведения о скотине. У кого, что имеется из живности: коровы, свиньи и прочее. Может статься, что скоро мы лишимся всего этого.

– Ага! А у меня хряк пудов на восемь! и подсвинок! Мы с Васькой хотели хряка к ноябрьским заколоть!

– К каким ноябрьским! При немцах-то!?

– Дык, по первому морозцу! Все так делают.

– Пока немцы не очухались, нужно хряков потихоньку колоть, мясо-сало солить и прятать от глаз подальше! Потом спасибо скажешь!

– Ну ладно! У нас сухая соломка имеется. Осмолим к ночи...

– И сделаешь подарок соседям, напротив. У Петровских дом большой. Там солдат поселилось, почитай – взвод. Хорошо на твою халупу никто не позарился. Ты вот что, Пётр Иванович, после похорон пройдишь-ка по дворам, у кого немцев на постое нет, и скажи, чтобы уничтожали живность по-тихому. И прятали её не в погребах, а где подальше и поглубже.

– Ну, ты – стратег, Яшка! Немец твой узнает, пустит тебя в распыл!

– Вот для тебя и должность освободится. Ты ещё берданку свою спрячь. Они пока нетронутые, немцы-то. А коснись чего – обыска начнут устраивать.

– Да уже спрятал! И патроны – тоже! Теперь у меня, Яков, к тебе просьба. Агриппа совсем плохая стала.

– Что с ней?

– Ну что? Сердце пошаливает! Ты же знаешь, дочку её после института в Смоленск работать направили. Она в июне туда уехала. Учителем работать. А тут – война. Ни слуху, ни духу с тех пор от неё. Думала, что приедет, или письмецо отпишет. Ан – нет! Так вот, на почве расстройства, недавно слегла. Наш фельдшер Акимов неделю тому назад в столицу подался с семьёй. А мы здесь, без лекарств. Танюшка Фролова сказывала, в Уваровской аптеке всё сгорело. Аптекаря Каца Семёна Семёновича прямо на улице расстреляли. Ты бы ихнего доктора попросил, что бы укол Агриппе сделал. Акимов делал, так помогало. Он, доктор немецкий, сейчас в доме Акимова поселился. И госпиталь там собираются открыть. А, вернее, уже открыли. А в погребе морг организовали. И место там одно уже занято!

– Ты чего несёшь!? Пётр Иванович?

– А ты что, не слышал? Вчера поутру эти самые наши солдатики, до того, как смертушку приняли, двоих немцев успели подстрелить! Хауптман, капитан по-нашему, в погребке акимовском отдыхает. Его на родину, в неметчину, вскорости отправят. А комендант гарнизона, кажись – майор, раненый в шею в акимовской спальне почивает. Живучий, зараза, оказался! За то, наших солдатиков и порешили... Ты, Яша, вчера аккурат перед этими офицеришками с иконкой речь толкал. Видать, пресвятая дева Мария, благодаря тебе, обратила на них своё внимание.

– Ясно! – сказал Яков Шилкин и трижды перекрестился. – Пойду просить машину. После обеда, вроде бы, хоронить положено. Нужно успеть. А ты, вечером забегай. Самосадику искурим.

– На немецкие ещё не перешел?

– Ещё не угощали, – спокойно сказал Шилкин и направился к калитке.

Василий, всё время сидевший на резном стуле молча, выпустил из рук щенка и подошёл к отцу.

– Может хату Яшке подпалить? Ночью?

– Не, Вася, погоди немножко. Я потом тебе дам сигнал, – ответил Пётр Иванович и задумчиво посмотрел в след удаляющемуся соседу...

20

Яма получилась широкой. По обе стороны будущей могилы возвышались бугорки рыжей глины, смешанной с песком и мелкими камешками. Рядом, на табуретках, поставили гробы, в которых покоились погибшие воины.

Анастасия Филимоновна Фролова и её дочь Таня что-то «колдуют» над покойниками, укрывают их тела белыми простынями и раскладывают на челе ленточки с витиеватыми надписями.

Обе постоянно крестятся и причитают.

Рядом стоят: Яков Шилкин, Пётр Иванович, Василий и несколько пожилых женщины из ближайших домов.

Пётр Иванович, на этот раз, оделся в хороший чёрный костюм тройку и блестящие хромовой кожи сапоги. Коричневую рубашку он застегнул на все пуговицы и периодически проверяет, не нарушена ли строгость в его траурно-парадном наряде. Всё было в полном порядке. Не хватало лишь галстука.

Женщины о чём-то шепчутся, боязливо поглядывают на группу немецких солдат, стоящих около дома Фроловых. Выглядят они вполне буднично. Лишь чёрные платки напоминают об их скорби по погибшим.

Яков Шилкин, окинув мрачным взглядом убранство гробов, сказал:

– Ну, пора, Филимоновна! Прощаемся!

Фроловы отошли от гробов, помолчали, и начали громко рыдать, голоса и причитая. Похоронный плач сопровождался текстом, разобрать который было невозможно. Все кроме Василия принялись креститься.

Немецкие солдаты, услышав женские голоса, подошли ближе и стали наблюдать за происходящим.

Минут через пять женщины «угомонились». Яков и все присутствующие, поочерёдно, подошли к покойникам и проявили к ним последние знаки внимания.

Василий накрыл гробы тяжёлыми крышками и старательно закрепил их гвоздями.

Опускали гробы втроём. Яков и Пётр Иванович держали концы длинного полотенца у головы, а Василий, один, у ног покойников.

Кусочки земли глухо простучали по гробовым крышкам.

Василий, откашлявшись, принялся шустро работать лопатой, засыпая могилу. Яков Шилкин и Пётр Иванович помогали ему. Женщины тихо переговаривались, периодически промокая глаза платочками.

Солдаты, стоявшие метрах в пяти сзади, обнажили головы, и некоторые из них перекрестились.

Василий поднял с земли крест, сделанный из дубовых брусков, утопил в мягкую глину, в ногах погребённых, и стал насыпать могильный холмик. Закончив дело, облагородил его, придав вид аккуратного прямоугольника. И, наконец, вдавливая в землю черенок лопаты, изобразил на глинистой поверхности могилы ещё один православный знак.

Анастасия Филимоновна постелила на холмике вышитое полотенце и поставила на него фарфоровую тарелку. Таня достала из стоящей рядом сумки три стаканчика, в которые Пётр Иванович налил из большой бутылки мутной жидкости. Два стакана поставили на тарелку. Сверху Яков положил по куску чёрного хлеба. Третий стакан пошёл по кругу. Мужчины и женщины выпили, не произнося ни слова. Закусили холодными блинами. Сладкими, совершенно не подходящими под горькую, со специфическим запахом самогонку.

Солдаты ушли незаметно.

Небо над Грачёвкой постепенно стало серым. Подул влажный холодный ветер. Заканчивалось «бабье лето».

Яков Шилкин, Пётр Иванович и Василий подобрали лопаты и направились в деревню. Поднявшись на холмик возле дома Фроловых, они приостановились и ещё раз взглянули на одинокую могилу, на старую ель – единственное украшение приюта отважных воинов. Подождали идущих следом женщин, оценили печальным взглядом мрачающее с каждой минутой небо и повреждённую немецким снарядами церковную колокольню.

Сквозь тонкую влажную пелену хорошо просматривался чёрный каркас обгоревшего и накренившегося церковного купола в селе Колоцкое.

Крест, сиявший над округой при любой погоде, всё ещё был на месте. Такой же чёрный, как и останки купола, он траурно склонился над поруганной землёй...

По деревенской улице, разбивая остатки деревянного покрытия тракта, шла новая колонна военной техники фашистской Германии. Округа дрожала от нахлынувшей на неё рокошущей и чадающей стальной силы.

Дорога уже не пылит под гусеницами танков и самоходных установок. Лишённая деревянного покрытия, она ещё не погибла – сопротивляется, как может, но постепенно становится не проходимой для колёсных машин. От первой же влаги старый смоленский тракт превратился в грязное месиво. И эту тёмно-серую субстанцию, спешащие к фронту танки, разбрызгивают по кюветам, по стволам придорожных деревьев, по плетёным из ивняка заборам, и даже по стенам домов.

А где-то на востоке, словно далёкая гроза, непрерывно рокошет канонада, и глухо, как стоны больного, ухают взрывы. Они со временем становятся тише.

Фронт медленно отодвигается к Москве...

Перед въездом в Грачёвку, прижавшись к кювету, припаркованы три немецких грузовика. Водители машин никуда не спешат. Они терпеливо ожидают прохода военной колонны. Кузова грузовиков, накрытые потрепанными тентами, до верху наполнены телами мёртвых людей...

Их много...

Это – немецкие солдаты, бесславно погибшие на подступах к Москве.

21

Решила отвлечься от приобретенных впечатлений. Каждое посещение Грачёвки меня обескураживает...

Не спорю, мне любопытно присутствовать при повторном прогоне исторических кадров. Как в древнем игровом кино. Но там режиссёры старались преподнести зрителю информацию, очень близкую к истине. Все знали, что имитируемые события развивались не так, как они происходили на самом деле. Но коммерческие интересы брали верх и кровавую трагедию преподносили зрителям, как приключенческий боевик...

Вот и здесь, в первых актах разыгрываемой «пьесы», казалось, что я присутствую на представлении театра арт-бионов, использующих методы воспроизведения реализма. Там «маленькие человечки» стараются во всю, чтобы избавиться от «буквы» академического штампа и, в то же время, абстрагируют моменты истины. «Артисты» добросовестно дают понять зрителю, что коричневый или красный фон – это не только фон, но и хорошо воспринимаемая массами идеология. И если при ней людям живётся не плохо, то сытые и благоустроенные индивидуумы не поднимут руку на «кормчего», ведущего их в светлое будущее. Они с превеликим удовольствием примутся лизать его ботинки, заискивающе смотреть в его заплывшие глазки и жертвовать собой по его приказу. И это будет продолжаться до тех пор, пока кто-то, более молодой и хваткий, не покажет ещё не нажравшейся до отвала и не определившейся в жизни массе кусок ещё аппетитнее. И обыватель с готовностью лизнёт башмаки более симпатичного и нежно воркующего вождя. И покорно пойдёт воевать чужие земли. И станет отдавать свою драгоценную жизнь за идею, которая «не стоит даже слезинки ребёнка».

Это не абсурд! И не чушь несусветная!..

Зачем меня тянет к этим несчастным, наивным и безобидным аборигенам!?

Картины из их жизни не для меня! Я не ожидала такого «эффекта».

Снова становится муторно на душе и кружится голова...

За любопытство приходится платить...

22

...За три дня я осмотрела все четыре телепортанные станции, размещённые по программе внедрения в прошлое. Ещё раз сверилась с картами «нетронутых» естественных объектов и сравнила их наличие на местах. Всё совпадало до мелочей.

Тибет. Заснеженная равнина. Могучие горы, сказочно величавые и спокойные. Монастыри и таинственные тибетские монахи.

Северное побережье Австралии. Одинокaя скала на берегу. Городец Дарвин. Военные корабли и солдаты. Здесь тоже поселился призрак войны. Только он без запаха крови. Алая, солёная на вкус, сопровождается дурманящими сознание болевыми шоками, кровь ещё не пропитала солдатский дух. Вооружённые люди задорно смеются и не ведают ничего о гуляющей по планете смерти. Но костлявая старуха с косою скоро придёт и к ним, к жителям самого мирного континента на планете Земля...

Перуанские Анды. Голубой Тихий океан в туманной дали. Индейцы, пасущие на склонах гор овец и длинношеих лам. Они вообще ничего не ведают о существовании взорвавшейся Европы. Они и по-испански почти не говорят. У них своя размеренная и умиротворённая жизнь.

Балканы. Взъерошенная войной Сербия. Опрокинутые внутрь взгляды людей, чем-то напоминающих грачёвцев... Сербь, как и русские, с наивным удивлением и негодованием взирают на непрошенных гостей, спрашивая себя и Бога о несправедливости в отношении к ним. Ведь они никого не трогали, никому не угрожали. Почему же их обижают? Почему мешают спокойно жить и трудиться на своей земле?

Специальные горные роботы оборудовали помещения в скальных породах, не имеющих природных трещин и исключают проникновение в них влаги, насекомых и, самое главное, любопытных людей. Это создавалось «на века». По крайней мере, до 29 века о них никто из посторонних не узнает...

На пустынном берегу близ Дарвина я провела несколько часов. Много купалась, лежала на влажном песке и... обгорела. Биовосстановитель поправил приобретённые изъязвы, сохранив красный загар. Спустя час моя кожа стала приятно смуглой.

Снег Тибета, идеально чистый, хрустящий, поразил меня больше всего. Я трогала его руками. Я даже попробовала на вкус. Если будет свободное время, обязательно навещу эти места снова. В своём времени...

23

Возвращение из «командировки» я сопоставила с окончанием долгожданного отпуска, который вдруг закончился. К тому же Гектор сообщил, что срок моего пребывания в прошлом истёк, и я могу возвратиться в Бородинский филиал. В моё безмятежное будущее...

Сегодня...

По плану предварительных испытаний машина времени на пять минут активирует проводной тоннель и будет готова отправить модуль «Хронос-2» и Николь Депрези де Фо в приёмный бокс института...

А там, после недельного карантина, я телепортируюсь в древний дивный Париж, где обязательно сообщу моё «фи» незабвенному Морису Руа...

Но есть вариант №2.

Я могу возвратиться к надменному и обидчивому Морису через пять месяцев. К данному времени, после окончательной доводки Главного модуля, тоннель активируется на полную мощность и будет готов к приёму «разведчиков».

Я думала несколько секунд...

Не пожалеть бы потом об этих мгновениях!!!

Нет! Пусть помучается мой Аполлон Морис Руа...

И я решила-таки вернуться домой, и навестить прелестный Париж чуть попозже...

...Уитни, по моей просьбе, сделала мне короткую стрижку. Теперь я выгляжу очень забавно.

Просканировали поверхность.

Согласно погоде, подобрали одежду и обувь. Синтезировали саквояж, который наполнили имитаторами древних медицинских инструментов, примитивными диагностическими приборами и упаковками с таблетками и микстурами, совершенно безвредными и абсолютно бесполезными для человека...

Что я, собственно, собираюсь предпринять?!

Ах, да!!!

Это запечатлелось в моём сознании и периодически всплывает, как данное, но не исполненное обещание...

Мне, всего лишь, нужно навестить больную женщину, Агриппу...

Какое странное русское имя – Агриппа!

24

Грачёвку накрыла сырая осенняя тьма. Дождя нет. Однако всё вокруг напитано влагой и холодом.

Грачёвцы ещё не спят, но на улице пусто. Кое-где в домах, не имеющих на постое немецких солдат, мерцают бледные огоньки керосиновых ламп. Возле домов «побогаче» глухо бухают моторы, вращающие генераторы света. В этих домах ярко горят электрические лампы, и возле них можно заметить фигурки часовых.

Медленно облетаю деревню и, наконец, обнаруживаю домик Петра Ивановича. Приземляю модуль и выхожу на тропинку-тротуар, где сразу попадаю в неглубокую лужу. Спасают резиновые боты. Опасливо отворяю противно скрипнувшую калитку в заборе и подхожу к дому. Где-то во дворе глухо тьякает Альма. Я замираю в двух метрах от дома. Собака ворочается, гремит цепью, но развивать свои охранные способности, в виде непрерывного лая, не собирается. Подхожу к боковой стене. Заглядываю в окно. Через занавеску видно, что хозяйка не спит. В доме мерцает огонёк керосиновой лампы. Стучу в дверь. Вижу, что кто-то шевелит занавеской и смотрит во мрак улицы через верхнее стекло. Меня, видимо, не разглядели. Слышно, как из дома в сени выходит мужчина, басовито бурчит, и скрипит половицами. Долго возится с запором, а затем приближается к дверям террасы – кургузого строения из тонких досок, прилепленного к дому, словно инородное тело. Через хлипкую деревянную дверь отчётливо слышится тихое покашливание и вопрос:

– Кто?

– Это доктор, – отвечаю я, отступая на шаг от открывающейся двери.

Василий выглядывает наружу и в кромешной темноте пытается рассмотреть незваную гостью. Укутанная в тёмный плащ с капюшоном, с саквояжем в руке, источающая лёгкий запах древних лекарств, – притупляю бдительность парня. Он нерешительно чешет шевелюру и бодро говорит:

– А мы никого не вызывали! У нас все здоровы!

– Мне нужно найти дом Агриппы. Я, видимо, заблудилась.

– Ага! – тут же рокочет Василий. – Заблудились. Пройдите в хату. Только пригните голову. У нас низкие притолоки... а здесь высокий порог.

В домике с закопченными потолком и стенами пахнет чем-то вкусным. Слева, на небольшом столе, притороченном к окну, стоит облепленная сажей сковорода с ворохом жареной с салом и луком картошки. Видимо от этого блюда и исходит аппетитный деревенский дух. Всё помещение освещается керосиновой лампой, висящей между окон на противоположной стене. Перегородок в жилище нет. Одна большая комната. Из мебели – две одинаковые кровати, поблескивающие медными шарами на высоких спинках с причудливыми коваными решетками. Кровати расположены симметрично, по углам. У стены справа приютился небольшой платяной шкаф, поблескивающий лаковой поверхностью. Под лампой, не касаясь стены, стоит красивый, ручной работы, продолговатый стол, заваленный ворохом старых газет и потрёпанных книг. Справа же, возле шкафа, топится узкая печь – голландка. Из прикрытой дверцы печки наружу вырываются блики огня. Перед печкой навалены поленья берёзовых дров.

Василий, симпатичный и пышущий здоровьем мужчина, одет в зелёные солдатские бриджи, плетенные из лыка шлёпанцы и застиранную тельняшку с длинными рукавами. Вид у него вполне нормальный, если не считать нервного тика, проявляющегося в виде подёргивания правой щеки. Этого тика Василий стесняется – старается скрыть недуг, повернувшись ко мне левым боком.

Я останавливаюсь у порога, на коврике из мешковины, и снимаю с головы влажный капюшон.

Здесь тепло и уютно.

Петра Ивановича в доме нет. Хотя, замечаю, возле сковородки с картошкой лежат две вилки и стоят большие гранёные стаканы, наполненные мутной жидкостью. Видимо с самодельным спиртным напитком – брагой, или самогоном. К столу придвинуты два «эксклюзивных» стула, с витиеватыми рисунками на высоких спинках. Один из них я уже видела во дворе, во время разговора Петра Ивановича с Яковом Шилкиным.

– А где Петр Иванович? – спрашиваю я Василия, топчущегося передо мной.

– Отец? А... Он сейчас придёт! Он в погребок, за капустой... – начал мямлить Василий, не ожидавший прямого вопроса об отце. – Я его сейчас позову! А вы откуда его знаете? Вы из Уваровской больницы? Что-то я вас не припомню! Я там, почитай, каждого знаю. Из докторов...

– Я из беженок, – лгу я, придерживаясь одной из легенд. – Немного знаю медицину. Вот узнала о болезни Агриппы. Хочу ей помочь. Как она сейчас?

Василий перестаёт мяться. Подходит к столу, разворачивает ближний ко мне стул, рукавом смахивает с сидения воображаемую пыль и предлагает присесть. С удовольствием сажусь. У меня почему-то начали дрожать ноги. От волнения, что ли? И ещё этот запах от жареной картошки со свежим салом... и луком...

Вспоминаю, что давно не обедала, а перед выходом из модуля провела чистку желудка. Это было обязательным актом перед осуществлением «контакта» с иными средами. Витаминные таблетки, конечно же, помогают сохранять силы. Но желудок настойчиво требует наполнителя...

И я не отказалась бы, если бы мне предложили...

Василий заметил, что я глотаю слюну, и сбегал в сени, за тарелкой и вилкой.

– Пока батя в бочке с капустой копается, мы сейчас поужинаем. Снимайте-ка плащ... и халатик ваш беленький... Вот сюда, на гвоздик, около дверей повесьте.

Я приподнимаюсь с удобного резного стула и снимаю тяжёлый дождевик и «беленький» халатик. А Василий, сверкнув глазами на мою загоревшую под весенним австралийским солнышком «физиономию», по-мужски зарделся, дернул щекой и снова сбегал в холодные сени.

Принёс запечатанную пол-литровую бутылку с надписью на этикетке «Водка» и три маленьких гранёных стаканчика. Всё-таки три. Значит, Пётр Иванович скоро будет, с квашеной капустой. Вот если бы Василий принёс два стаканчика, то он, непременно бы, сделал мне предложение «соединить наши сердца».

Шучу, конечно же... Это от волнения – нервное...

На улице скрипнула калитка и знакомо твякнула Альма. Ещё гости пожаловали? Это, пожалуй, лишнее!

Василий настораживается, прислушивается к звукам с улицы.

– Извините, я сейчас, – почти шёпотом говорит он и бесшумно исчезает за дверями.

Модуль я оставила у входа в дом. В крошечной темени он не заметен. Висит себе в метре от стены, никому не мешает. Подключаюсь к нему, не покидая жилища. Объёмное изображение проявляется над сковородкой с жареной картошкой, и я вижу Петра Ивановича, вытирающего об увядшую траву грязные сапоги. Василий, вышедший навстречу отцу, негромко спрашивает:

– Бать, это ты?

– Я, я! – ответил Пётр Иванович, продолжая выписывать в мокрой траве танцевальные «па», способствующие омовению обуви.

– У нас гости!

– Яшка, что ли, припёрся?

– Нет! Ты не поверишь, к нам докторша пришла! Говорит, что искала дом Агриппы. Заблудилась и попала к нам.

Пётр Иванович несколько секунд продолжает кружиться у плетня, а потом замирает и настороженно смотрит на едва светящееся во мраке окно.

– И что? Она у нас, в доме? – спрашивает Пётр Иванович, подходя к Василию.

– Сидит за столом, слюнки глотает, глядя на картошку в сковородке. Похоже – голодная. А ты чего так долго? Я ей сказал, что ты, бать, за квашеной капустой в погреб полез... Придётся лезть.

– Принеси из сеней чашку! Схожу уж за капустой! Я у Шуры Новиковой овечку её разделывал. Засолили в кадке, в огороде припрятали. Ну, чего стал... как памятник! Врачиха-то, откуда будет? Я её знаю? Молодая, али старуха?

– Девчонка! Когда вошла, тебя по имени-отчеству спросила. Где мол, Пётр Иванович. А откуда сама – не сказала... Но не похоже, что из Уваровки.

Василий и Пётр Иванович зашли в сени.

Я быстро отключаю модуль и ожидаю хозяев.

В дом Пётр Иванович и Василий вошли вместе. Небольшая эмалированная чашка в руках Петра Ивановича наполнена капустой, украшенной кусочками розовой моркови и ломтиками яблок.

– Здравствуйте, сударыня! – степенно говорит Пётр Иванович. – Вот и я. Обо мне спрашивались? Мы вроде бы и не знакомы.

Я встаю со стула и поворачиваюсь к вошедшим.

– Не знакомы. Но я о вас слышала.

– От кого?

– Уж и не припомню, – соврала я.

– А из каких краёв будете? В такое тревожное время, да ещё в темень?

– Я – беженка. Из Парижа.

Пётр Иванович с чашкой в руке философски вздёрнул правую бровь и принялся пристально рассматривать меня, с ног до головы. Больше всего его заинтересовали мои резиновые боты. Я опустила глаза и тоже посмотрела на них. Новые, блестящие чёрным лаком, словно только что извлечённые из упаковочной коробки. Никаких следов грязи и пыли. Даже не очень

мокрые. Так, пара прозрачных капелек от попадания в лужу при выходе из модуля. А, судя по погоде, должны соответствовать «текущему моменту». Кирзовые сапоги Петра Ивановича, не смотря на тщательную чистку в траве, выглядят натурально – и мокрые, и грязные.

– Как звать-то вас, доченька?

– Николь.

– Нерусская?

– Француженка.

Пётр Иванович удивлённо крякнул и поставил чашку на стол.

– Присаживайтесь. Сейчас отужинаем, чем Бог послал. Вот только шлёпанцы одену. Вася, не стой посреди хаты светящимся в сумерках пнём, обслужи гостью.

Василий и в самом деле светится. Лицо покраснело, глаза сверкают синими лампочками. Тик на щеке «работает» почти без остановки. Надо бы вмешаться, просканировать, поставить диагноз и влить в спиртовой раствор дозу эмбрионального восстановителя. Но, сначала, нужно установить причину. Похоже – приобретённое – результат полученной травмы...

– Давайте-ка, я вам картошечки наложу, – говорит Василий. – И капуста... на тарелку... С огурцами в этом году промашка вышла – морозцем побилло... а ананасы в наших краях не произрастают... а вот этого добра – полон погреб...

Столовой ложкой Василий старательно перемешивает содержимое сковороды и накладывает на тарелку солидную порцию экзотической еды и добавляет квашеной капусты. От каравая, лежавшего на столе в полотняной обёртке, отрезает несколько кусков и самый большой пристраивает на краю моей тарелки.

Пётр Иванович, в таких же, как у сына, плетёных шлёпанцах, именуемых «лапти», входит в помещение, бросает печально-загадочный взгляд на меня и на Василия, подходит к голландке, разгребает кочергой красные угли, и степенно усаживается рядом. Василий втискивается в уголок около стены.

– Сперва по маленькой и закусим, – говорит Пётр Иванович, осторожно отскребая сургучную печать с горлышка бутылки. – А потом приступим к беседе.

Коричневые крошки от сургуча и саму пробку, ловко извлечённую из сосуда ударом ладони по донышку, Пётр Иванович выкидывает в старое металлическое ведро, стоящее под столом. Водку разливает на глазок, но точно, до миллиграмма...

По моей команде модуль накидывает на хозяев дома проницаемый кокон индивидуального времени и снижает биоритмы до «чистого» нуля. Сканирование Василия подтверждает догадки о приобретённой травме. Повреждение нервных окончаний в левой части лица. При общем возбуждении возникают не контролируемые колебания лицевой мышцы. Поправимо. Хуже другое. У Василия обнаруживается нарушение в работе головного мозга. Левое полушарие, в результате жёсткого разового воздействия, возможно – удара, не воспринимает биоритмы, контролирующие 33-й сегмент. В результате чего накапливается отрицательная «Корон энергия». При её избытке происходит моментальный энергетический выброс. Эпилептический удар. Потеря сознания, судороги, общее ухудшение самочувствия. Угроза кровоизлияния в мозг. Устойчивое генное нарушение, передающееся по наследству. Детей Василию в таком положении иметь никак нельзя. Излечить недуг можно, при точном выполнении режима и применении биологической терапии. При моих возможностях, месяца за два управлюсь. Но для этого необходимо: либо раскрыть себя и внушить пациенту необходимость пить спиртовой раствор с эмбриональным восстановителем ежедневно, перед сном, в количестве 50 граммов, а не по пол-литра за «один присест»; либо погрузить его в индивидуальный пространственный кокон, отправить в модуль к Уитни, держать в суровом режиме месяц, потом вычистить память от всего увиденного, и вернуть к данному столу, перед поднятием первого тоста, за знакомство...

Пётр Иванович – вполне здоров. Незначительные солевые отложения, что вполне соответствует возрасту. И довольно-таки значительные накопления никотиновой смолы в лёгких от самосадного табака. От того и другого я помогу избавиться доброму хозяину хижины за один приём спиртового раствора. Соль растворится и уйдёт из организма естественным путём. А никотин придётся выхаркивать месяца три, если курить умеренно.

Я быстро заменила водку в стаканах Василия и Петра Ивановича на соответствующие «лекарственные» дозы раствора. Полагаю, что тик Василия исчезнет уже через пять минут, после первой рюмки. А всё остальное для обоих произойдёт незаметно, и при отмеченных мною условиях. В первую очередь – при соблюдении режима...

– Ну, доченька, за наше с вами знакомство!

Я выпила содержимое стакана. Это была самая настоящая русская водка, из бутылки. И, не стесняясь хозяев, накинулась на остывающую картошку.

Ей Богу, вкусно!

Да ещё со свежеквашеной капустой. И сало тает во рту, догоняя угасающий водочный огонёк.

Пётр Иванович и Василий с умилением смотрят на мою физиономию, разбухшую от набитой в рот пищи, и улыбаются.

– Мне Танюшка Фролова что-то про вас рассказывала, – начинает беседу Пётр Иванович, – с месяц тому назад. Говорит, что беженка через Грачёвку проходила. Из далека. Будто бы в командировке задержалась. Значит, это про вас? Или нет?

– Была я у них. Молоком меня угощали.

– А про Агриппу от кого узнали?

– Не помню. Может быть, Фроловы мне и сказали.

– Француженка, а по-русски весьма недурно изъясняетесь, сударыня! Как вас по имени величать?

– Николь, – напомнила я Петру Ивановичу своё имя, – а по-русски... лучше всего – Натали. Или Наташа. И можно на «ты». А то официальное «вы» как-то меня сковывает. Русский знаю, потому что длительное время жила в Бородино. Сейчас попала к вам, в Грачёвку и не знаю, что предпринять. Живу у разных людей в соседних селениях. Врачебная практика небольшая, но тёте Агриппе помочь смогу. Если разрешит, поживу до выздоровления у неё. С немцами связей не имею.

– Предупредительная! Ответила на все незаданные вопросы. А Агриппе теперь только Бог может помочь. Сердечко у неё паршивое. Яшка, наш сельский староста, немецкого врача приводил к ней. Тот, конечно, больше по ранениям спец. Он сказал, что Агриппе нужен покой, питание и соответствующие лекарства. А где их сейчас найдёшь? Немец ей уколы делает. Хороший немец. Не шарахается от Агриппиной беды. И нос не воротит от хлева, в котором она живёт... Она-то тебя примет на постой, доченька. Да будешь ли ты там жить? Вот сходим к ней – увидишь её хоромы...

25

Тик у Василия прошёл. Он это заметил не сразу. Не дёргается щека, и ладно. Видимо и такое у него бывало.

Угощение, вместе с двумя рюмочками водки, мой желудок принял с благодарностью. Слегка захмелела и вывалила на хозяев такую «ерундистику» о моём появлении в Грачёвке, что сама в неё поверила.

После ужина Пётр Иванович одел кирзачи, брезентовый плащ и взялся проводить меня до дома Агриппы.

Скрытые темной, тайком, прошли вдоль плетней несколько строений и приблизились к маленькому домику с подслеповатыми окошками, через которые едва пробивался огонёк лампы. Тяжёлая дощатая дверь оказалась не запертой и Пётр Иванович, открыв её, первым переступил порог. Я последовала за ним и оказалась в тёмном тамбуре, в глубине которого, тяжело сопя и постукивая копытами о деревянные доски, размещалась корова. Пахло навозом. Ноги скользили на сыром полу. Я чуть не упала. Пётр Иванович, услышав мои «ахи», подхватил меня за руку и поставил рядом с собой. Пошарив в темноте по стене, он нашёл дверь, ведущую в жилое помещение. Открыл её и впустил меня первой.

Внутри царил такой же полумрак, как и в каждом жилище грачёвцев, не имеющем электрического освещения. Свет излучали: керосиновая лампа с закопченным стеклянным колпаком, стоявшая на маленьком столике возле окна у правой стены, и огромная русская печка, из открытого горна которой в помещение «выплёскивались» красноватые блики от тлеющих поленьев. Печь занимала четверть территории всего пространства дома. Ещё столько же было отведено для деревянной кровати, примыкавшей к побеленному извёсткой тёплому боку печи.

На кровати сидела крупных размеров женщина лет пятидесяти, одетая в длиннополую ночную рубашу, чистую, с красивыми узорами на груди, скорее всего вышитыми руками хозяйки. Большие ноги со следами подагры выглядывали из-под рубахи. Сильные руки лежали на коленях. Крупные черты лица, скорее мужские, приятно гармонировали с остальными частями тела. Густые, чёрные, с редкой проседью волосы могучими волнами спадали на широкую спину и уходили куда-то в ворох одеял и простыней, обрамлявших тело хозяйки хижины.

Это, видимо, и была тётя Агриппа.

В комнате на широкой лавке возле окна, стоящей вдоль стены, сидело ещё одно существо. Оно не бросалось в глаза из-за своей неприметности, ибо и одеждой, и лицом сливалось с серым фоном стены.

Пришлось напрячь зрение, чтобы рассмотреть подробности «божьего создания».

Маленькая женщина, одетая в потрёпанный ватник, в тёмном байковом платке, в больших резиновых сапогах, смотрела на нас со страхом в широко открытых глазах. Что-то знакомое во взгляде. Да это же Танюша Фролова!..

– Добрый вечер, сударыни! – сказал Пётр Иванович.

– Добрый, Петя! – ответила Агриппа, повернувшись к нам. – Ты чего, на ночь глядя? Кого привёл?

Танюша вскочила со своего места, засуетилась, вытащила из тёмного угла матерчатую сумку, достала из неё стеклянную банку и осторожно поставила на лавку.

– Варенье, малиновое. Будете чай пить. А я пойду.

– Спасибо, Танюшка! Завтра приходи, если будет время. Поговорим. А то мне скучно одной. А вы проходите, присаживайтесь.

– Да я на минутку, Агриппа, – сказал Пётр Иванович. – Вот доктора тебе привёл. Может чем поможет. – Пётр Иванович подтолкнул меня на середину комнаты. – Беженка она. Вроде бы и жить негде. Ты поговори с ней. Она из Франции. Случайно к нам попала.

Танюша у порога оглянулась на меня и сказала:

– Так вы не успели уехать? А мы с мамой вспоминали вас.

– Не успела, – ответила я и стала снимать дождевик.

– А ко мне раза два Фриц приходил, – пророкотала Агриппа, обращаясь к Петру Ивановичу. – Уколы делал. Какие-то порошки принёс. Пью. Горькие, зараза. И ничего на мою лихomanку не действует!

– А ты чего немца Фрицем называешь, Агриппа? Может обидеться.

– Так его Фрицем и зовут. Имя у него такое. Доктор Фриц Бауэр. Душевный парень. Работы у него сейчас прибавилось. Говорит, не до меня. Комендант недовольство высказывает. Тяжелораненых и убиенных не успевают на запад отправлять. Наши, стало быть, зубы начи-

нают показывать. – Тётя Агриппа повернулась ко мне. – Ну и что ты со мной будешь делать, красавица? По-русски говоришь?

– Говорит, Агриппа. Даже лучше, чем мы с тобой. Пойду я, Агриппа, до хаты. А то Васька всю бражку без меня вылакает. Увлечаться он ею стал в последнее время. Падучая недавно приключилась. Чуть себе язык не откусил. Хорошо я рядом был. Ну, прощайте!

– Ты, Петя, тоже забегай! Я для Василия твоего отварчик приготовлю. Пусть попьёт вместо бражки. От него голова светлеет. А от пьянки-то, может, лихоманка его и мучает.

– Да нет! Как после финской компании приехал мой сынок домой в помятом состоянии, так и поныне, без улучшений. Ну, бывайте!

– Ага! Не спеш! Цела твоя порция будет! – сказала Агриппа и плавно махнула рукой в сторону Петра Ивановича. – Завтра зайди-ка, как встанешь! Поможешь картошки из погреба достать. Мне, ведь, тяжёлое нелзя. Вчера еле вылезла с ведром. Себе хочу в мундире сварить, да и Зорьке пошло требуется. Не всё же сено в сухомятку жевать. И для Василия твоего лекарство будет готово. А теперь иди...

Пётр Иванович улыбнулся, кивнул Агриппе, взглянул на меня и шумно вышел в тёмный тамбур.

Тётя Агриппа немного посидела на своём ложе, поправила простыни и одеяла, взбила перовую подушку, а потом встала и подошла ко мне.

Она была выше меня – примерно метр восемьдесят. Половицы под ней поскрипывали и прогибались. От женщины веяло богатырской силой и спокойствием. Большие и крепкие руки нежно легли на мои предплечья и увлекли к низенькой табуретке, стоявшей напротив топившейся печи.

– Меня зовут Агриппина Васильевна. Для тебя, доченька, – тётя Агриппа. А тебя как величать?

– Николь Депрези де Фо.

– Красиво! Сразу и не запомнишь. А по-нашему, как будет?

– Натали, или Наташа.

– Вот! Это – куда понятнее для русского уха! Ты здесь посиди, погрейся, а я сейчас чайку приготовлю. – Агриппа повернулась к огню и сковородником достала из горна огромный чайник, совершенно чёрный от копоти. – Пётр, видать, тебя уже угощал ужином. Лучком пахнет... и ещё чем-то, лекарственным. А до чая они с Васькой не охотники. Они всё бражничают. Вот, кстати, и отварчик заварим, для болезного. У тебя в чемоданчике есть ли что, для лечения падучей?

Светлая голова у тёти Агриппы! В её отвар я и буду добавлять дозы универсального эмбрионального восстановителя.

– Найдётся, – ответила я, взглянув на саквояж, в котором, кроме примитивных муляжей ничего полезного для сельского доктора не имелось.

– Французское, небось? – Агриппа повернулась ко мне, держа незащищённой рукой попыхивавший паром чайник.

– Французское, тётя Агриппа.

Чайник был поставлен на столик. Там же появились пара гранёных стаканов в подстаканниках с чайными ложечками и большой фарфоровый заварник. В заварной чайник Агриппа насыпала несколько щепоток чёрной смеси, видимо из высушенных трав, ибо запах от этого «зелья» исходил необычайно приятный. Рядом Агриппа поставила эмалированный кувшин и из тряпичного мешочка, висевшего на стене за печкой, положила в него другую растительную смесь. В заварник и в кувшин налила кипятка и прикрыла их матерчатыми колпаками. Баночка с малиновым вареньем от Танюши Фроловой и ещё одна, из шкафчика Агриппы, со сливовым, были вскрыты и притягивали к себе ягодно-фруктовым ароматом. Два фарфоровых блюдца легли на столик, в довершение чайного натюрморта.

– Подождём, пока запарится чаёк, – сказала Агриппа и легко перенесла столик к кровати. – Поскольку мебели у меня лишней нет, я сяду на койку, а ты – напротив. Давай-ка я тебе одеяло подстелю. Мягче будет сидеть.

Тётя Агриппа вытащила из вороха тряпок на печи сложенное одеяло и положила его на стул. Стул я перенесла к сервированному столику и села.

– Не стесняешься! Молодец! Сразу видно – городского воспитания. Сейчас мы всё о себе друг дружке расскажем. И о моих болячках поговорим. И Василию настойку смастерим заодно. Я ведь, доченька, не очень-то верю во все эти лечения. Коли у меня сердечко стало пошаливать, то лучшего уже ожидать нечего. Так и будет периодически останавливать мои душевные порывы, пока не взорвётся. Это точно. И про Васькину падучую врачи говорят, что она так же – пожизненна. Успокоить её можно. А вылечить – нет. Вот не будет парень брагу пить, и приступы будут реже. Со временем могут прекратиться совсем. А начнёт «хулиганить» и падучая – тут как тут. А французы как на этот счёт думают?

– Так же, тётя Агриппа.

– Вот! Стало быть, все наши потуги в виде уколов, таблеток, настоек, заговоров и прочего, – сущая ерунда! Родиться надобно здоровым и беречь себя и своё драгоценное здоровье до конца дней. А ремонтировать можно только машины. Да и они не вечны...

Время в темпоральном коконе дёрнулось и замерло...

...Мозг у Агриппины Васильевны большой и без изъянов. Зубы здоровые – все тридцать два. Волосы могучие, с редкой сединой. Шрам от фурункула на правой щеке. И тело нормальное для возраста Агриппы. Сердце дряблое. Ишемия. Сосуды изношены. Холестерин. Подкожные бляшки на животе, руках. Имеют тенденцию к рассасыванию. Подагра. Наросты у большого пальца на обеих ногах. Сухие мозоли. Всё не так страшно. Всё поправимо, даже возможностями медицины двадцатого века. Только где она здесь, их знаменитая медицина!

Мужчин у Агриппы не было давно. Но она ещё может рожать. Правда, для этого нужны условия и медицина двадцать девятого века...

Препарат для Василия был просчитан ещё в его присутствии. Необходимое количество спиртового раствора я поместила в стеклянную бутылку без наклейки и спрятала в саквояж. В стеклянный же пузырёк отфильтровала обычного восстановителя и положила в карман халата. Это для Агриппы.

Ещё раз прошлась сканером, снизу-вверх. Питается Агриппа скверно. Видимо и бляшки стали рассасываться от этого. А телу можно позавидовать. Наши женщины, да и мужчины, редко бывают такой «конструкции»...

– Ой! Чего-то меня тряхнуло! Не смертушка ли ко мне с косою припёрлась! – Агриппа басовито хохотнула и прижала левую руку к груди. – Ан – нет! Не шемит! А до этого будто бы перед глазами белые всполохи промелькнули! А теперь вот ты, в белом халатике, передо мной...

Чай успел завариться. Агриппа налила из заварника, разбавила кипятком и стала накладывать себе на блюдце сливового варенья.

– Пряников и эклеров, доченька, у меня нет. Так что из сладостей советую попробовать моё вариво, из слив. От малины потеть будешь. А это – сладенькое, и к чаю в самый раз.

– Большое спасибо, тётя Агриппа! Непременно выпью с вашим вареньем стаканчик целебного чая. А вот вам, перед вечерней трапезой, в виде ежедневных добавок по десять капель, рекомендую это снадобье. Можно в чай, можно в первые блюда, или просто запить кипячёной водой. В кипящую воду лекарство помещать не рекомендуется. Он потеряет лечебные свойства.

Тётя Агриппа приняла у меня пузырёк, извлечённый из кармана халата, и посмотрела на него с умилением в широко раскрытых добрых глазах. Открыла пробку, осторожно понюхала. Потом слизнула с чайной ложки варенье и накапала в неё указанную дозу лекарства. Решительно опустила ложечку в чай, помешала ею в стакане, одновременно приговаривая:

– Завтра за картошкой в погреб полезу сама. Танюшку к Милке не допущу, подою сама. Дровишек тоже наколю сама... Наташа! А когда облегчение-то наступит? Вот бы к Новому Году выздороветь! А то по ночам ко мне страх подкрадывается и кажется, что я начинаю отходить. Ноги становятся холодными, а лоб мокрым. Рядышком никого нет. Помру в одиночестве! И найдут меня холодную, и с душком... Ой! Что это я, о грустном? И не к столу такие слова! Извини старушку!..

Агриппа осторожно отхлебнула из стакана лечебный чай и посмотрела мне в глаза. Желает услышать красивый и положительный ответ. Не верит в волшебные свойства лекарств, но любит слушать волшебные обещания врачей... И ещё, любит «ёрничать» на данную тему.

– Сегодня, тётя Агриппа, будете спать без сновидений и страхов. Милку завтра утром можете подоить, а с тяжестями придётся недельку подождать. Через месяц у вас должны исчезнуть бляшки, сухие мозоли и седые волосы. Через шесть недель рассосутся наросты на ногах. Сердце и сосуды требуют длительного лечения, но и они больше беспокоить не будут.

– Вона, как! Твоими бы устами, доченька, мёд пить! Пей-ка лучше чаёк. Он уже остывает. И варенье попоубуй.

– Я за вами прослежу, тётя Агриппа. Если будете соблюдать режим, то через два месяца станете здоровой.

– Может быть, и Ваське эту сказку ты сегодня рассказывала?

– Нет, тётя Агриппа, ещё не рассказывала. Но нервный тик у него уже не наблюдается. И тяги к питию алкогольных напитков у него и Петра Ивановича с сегодняшнего дня больше нет. Настойку, которую вы приготовили для Василия, я разбавлю лекарством. Он её должен принимать в течение месяца, по пятьдесят граммов, перед сном.

– И падучей у него, естественно, не будет!

– Не будет, тётя Агриппа.

В домике постепенно разлился лёгкий запах мяты, содержащийся в настойке, и повисло ощущение таинственности от моего монолога.

Стаканы быстро опустели. Чай со сливовым вареньем, немного приторным от избытка сахара, утолил жажду и расположил к совершенно ненужной откровенности.

Я тихо «баила байки», а «Агриппа-неверующая», тихонько покачиваясь из стороны в сторону, воспринимала их с уважением и некоторым состраданием ко мне. И ничему не верила. Похоже, в мозгу этой умницы зародилось сомнение о моей психической полноценности. Придётся делать лёгкую деактивацию и убирать из её памяти лишнее. А то, ведь, за сумасшедшую колдунью примет.

Тётя Агриппа выскребла ложечкой из блюдца остатки варенья и налила в стакан немного чаю из заварника.

– Вот беда-то с этой войной! – сказала Агриппа, покачивая головой и глядя мимо меня. – Что с людьми делает. Василий-то, после контузии, какой стал!? Я его помню сызмальства. Шустрый был парень. В мореходном училище в Ленинграде учился. Потом на финский фронт попал. А оттуда домой приехал. Жена у него была. Сбежала, когда узнала о падучей. А дома – мать умерла. Тоже, наверное, подействовало. Сомневаюсь я, Наташенька, насчёт этих чудес с полным излечением...

– Это не помешает вашему выздоровлению.

Я хотела убедить хозяйку в истинности моих слов, но тут же отступила от своего намерения. Агриппа была сама крепость в своих убеждениях.

– О нашем разговоре вы сейчас забудете, тётя Агриппа. Я же буду вас периодически наблюдать. И за Василием, по возможности. Но, с вашей помощью. Жить я у вас не останусь, не беспокойтесь. Но встречаться мы будем... иногда...

Видимо, Тётя Агриппа не ожидала такого конца в нашем разговоре. Она ахнула, с наигранным изумлением посмотрела на меня, и что-то хотела сказать, но вопрос не был сформулирован и замер на полпути к устам...

Да и «недвусмысленное» заявление Петра Ивановича о моём «поселении» к ней всё ещё висело в воздухе. И я его «стёрла» из «повестки дня».

Мне же, в свою очередь, не хотелось уходить отсюда в качестве «тронутой войной мошенницы».

Я аккуратно «вытянула» из Агриппы зафиксированную информацию. Она лишь поморщилась, словно не хотела с ней расставаться...

Надела дождевик, поблагодарила за чай, вручила бутылку с восстановителем для Василия, содержимое которой посоветовала вылить в охлаждённую настойку, и вышла в пустоту...

26

Гектор долго и монотонно излагал параметры настройки боковых регуляторов пульсаров в Главном модуле, объясняя мне и самому себе принцип их действия при включении канала времени. Всё это мне было знакомо. Я проверяла свою память и отмечала для себя наиболее важные пункты в компакт-пакете, на которые следует обратить внимание бионам, ответственным за регулировку защитных экранов...

Поблагодарила Гектора за информацию и в его присутствии сверила таблицы Гудрика, в части их исполнения. Работа выполнена без изъянов.

Гектор не Морис Руа, не оскорбился.

Бионы имеют ряд положительных черт: они не обижаются, не шутят (иногда смеются, дублируя смех хозяина), не спорят, не предполагают и не фантазируют. Они с полной уверенностью, запечатлённой в больших глазах, констатируют факты. Либо с тем же выражением лица отрицают то, чего, по мнению их создателей, не должно быть.

Ещё в институте я, пробовала изложить преподавателю-биону аксиому, не выверенную по тестируемым пунктам, и получала ответы в нескольких вариантах. Ответы меня поражали своей противоречивостью. Ибо кто-то до меня эти вопросы уже ставил перед ним, или перед бионом-вычислителем, и получал возможность выбора одного из множества параметров. Все они были относительно верны. Но «яйцеголовые» выбирали один: либо самый красивый, либо самый краткий, либо самый непредсказуемый ответ. Для применения каждой аксиомы, необходим персональный настрой экспериментатора. Он мог выбрать один из нескольких верных ответов. Но конечный результат, при приближении к источнику искомого аргумента, оказывался на противоположном от истины полюсе. И при конкретном ответе вопрошаемого биона на ещё более конкретный вопрос оппонента, им всё округлялось до красивой идеальности в виде двух вариантов: «да» или «нет»...

И появлялось новое, упрощённое право выбора. Кто-то из математиков шутливо назвал это право «функцией Йорика». Наверное, от шекспировского «быть или не быть». То есть – фифти-фифти.

Но в моём случае требовался «самый истинный» ответ. И, в качестве продолжения нескончаемого процесса, возникала необходимость тщательной проверки обоих вариантов...

Тулов требовал от учеников умения искать эту «истинную истину». И совершенно не терпел разброса мнений по теме «ноль». Так он называл проблемы, решаемые просто, и имеющие в ответе конкретный результат с конкретным знаком перед ним...

Агриппа встретила меня с некоторым недоумением в глазах...

Это было второе посещение хижины в центре русской деревни Грачёвка. Шесть дней спустя, после первого.

«Пациентка» ахнула, увидев меня в дверях, которые пришлось отыскивать в крошечной темноте. На этот раз я не поскользнулась на коровьей «лепёшке». Я вошла в дом прямо из модуля.

– Ба! А я думала, что ты мне тогда приснилась, Наташенька! Надо же, какой конфуз! Проходи, располагайся в наших хоробах! Сейчас я тебе молочка кипячёного подам. Хочешь, небось?

– Хочу, – ответила я и направилась к знакомому столику у печи. – Как ваше самочувствие?

– Тьфу-тьфу! Кажись, начинаю оживать! Доктор Бауэр приходил, отметил значительное улучшение в работе сердца. И давление, говорит, нормализуется. Неужто твои капельки помогли? А?

Я улыбнулась. Но отвечать не стала.

В доме жарко. Запах навоза, от коровы, «проживающей» рядом с хозяйкой, проникал из тамбура в жилище и немного дурманил сознание. В прошлое посещение таких резких запахов я не чувствовала. Видимо водка от Петра Ивановича и Василия притупляла остроту обоняния.

Тётя Агриппа, одетая в длинную серую юбку, синюю вязаную кофту, неопределяемого цвета разношенные туфли, в белом платке из тонкой материи, повязанным на русский манер, выглядела оживлённой и непрístupной. Именно, непрístupной. Ибо нынешнее состояние её здоровья никакого сочувствия от посторонних вызывать не могло. И она не скрывала свою независимость от «хворобы» и «лекаря».

Моя пациентка перешла в новое качество. Мне предстояло разговаривать с ней, как с человеком, избавившимся от недугов. Я даже решила, что подобные посещения в качестве «персонального доктора» стоит прекратить.

Кипячёное молоко было приятным на вкус. И ещё! Я впервые в жизни попробовала «картошку в мундире»! Ели мы её с Агриппой, конечно же, без мундира. И запивали тем самым сладким кипячёным молоком.

Поглощая незнакомые мне до этого яства, я чувствовала, как они «безропотно» приживаются во мне. Не то, что «идеальные заменители» моего «сытого» времени...

– А у Василия Матвеева и впрямь щека больше не дёргается, – сказала тётя Агриппа, протягивая мне очередную, очищенную от кожуры, картофелину. – И вроде бы они с Петей больше не бражничают. Настойку-то мою, приправленную твоим зельем, Вася принимает перед сном аккуратно...

Агриппа на секунду отвлеклась от чистки картофельных мундиров и заговорчески прошептала:

– Слушок о тебе, Наташа, до коменданта дошёл. Генрих Линкер – его имя. Ты хоть и тайно появляешься у нас, и всего лишь третий раз, а все же от немцев не убереглась. Этот Линкер просил доктора Бауэра разыскать тебя и пригласить к нему. Раненый он... в шею. Никак до сих пор не оклемается...

– Я навещу его, тётя Агриппа. Сегодня же. У кого он проживает? Вы мне покажете?

– Поначалу в акимовских хоробах отлёживался. Там у немцев вроде больницы. У Симоновых он. Их дом рядом с домиком Фроловых. Симоновы перед приходом немцев съехали. Так Танюша Фролова там прибирается. И за комендантом присматривает. Может, она и ска-

зала коменданту о твоём волшебном появлении в Грачёвке. А я, сдуру, похвалилась ей о твоих капельках. И про Матвеевых она знает...

– Не волнуйтесь обо мне, тётя Агриппа. Со мной ничего не случится.

– А я и не волнуюсь. Ты мне, хотя бы по секрету, скажи, Наташенька, где тебя найти в иное время. А то ведь немцам странным может показаться твоё наличие, без конкретного места проживания. Я у Петра Ивановича справлялась. Он говорит, что в окрестных деревнях про белокурую француженку никто ничего не ведаёт. Я даже пожалела, что в тот раз не удержала тебя при себе. Понимаешь, стыдно мне стало за моё нищенское житие. За то, что мы, простые люди, на этом свете никому ненужные. И за социализм наш... и что фашисты пришли к нам, почти без сопротивления. Тем более перед иностранкой. Сама видишь, гостить в моём доме практически невозможно. Грязно, тесно. Живу, как троглодитка! До войны в колхозе обещали мне с дочкой хороший домик поставить. Но не успели. Дочку на учёбу в Москву послали, а со стройкой затянули. Так что...

– С этого дня будем считать, что я проживаю у вас, тётя Агриппа. Я вам скажу, как можно будет связаться со мной. В любое время суток.

Агриппа покачала головой, чему-то улыбнулась.

– А жить у меня ты не желаешь? По-настоящему?

– Стеснять вас не буду...

– А сей момент к коменданту пойдёшь?

– Пойду.

– Сядешь в передней в свою ступу, возьмешь в руки метлу и фюить! на другой конец деревни!

– Да, – подтвердила я сказочные предположения Агриппы, – а от него, в свою избушку, на курьих ножках. Но информацию на эту тему мне снова придётся из вашей памяти стереть.

– Всё-таки – колдунья! – Агриппа театрально расширила глаза, изображая испуг. Но страха в них не наблюдалось. Она, похоже, была неверующей. Ни в чёрта, ни в Бога. Икон в избушке, по крайней мере, я не видела.

– Я, ведь, сразу подозревать начала! Как ты нынче в дверях у меня показала, так сомнения в меня и закрались. Дверь-то на улицу я недавно изнутри заперла. А ты, по всему выходит, либо у коровы пряталась, под брюхом, либо через стену проникла. Судя по чистенькому халатику и блестящим ботиночкам, с Милкой, ты не обнималась.

На этот раз «стирку» памяти Агриппы я сделала аккуратно. Никаких «ахов» и вздрагиваний...

Она лишь печально улыбнулась, соглашаясь с неведением, окутавшим её сознание. Потом встрепенулась и стала сама собой...

Перед уходом подарила Агриппе маленькую иконку из серебра с изображением Святой девы Марии с Младенцем. Вложила в подсознание, как вызвать меня, при крайней необходимости...

Она тихо проводила меня на улицу. Стоя на пороге, посетовала на осеннюю грязь и крошечную тьму. А потом, не дожидаясь моего исчезновения, прикрыла тяжёлую дверь и заперла её изнутри...

...Резиновые сапожки с высокими голенищами мы с Уитни превратили в поношенные. Коричневые женские брюки и утеплённую курточку слегка состарили. Фетровую шляпку, похожую на головной убор космического десантника, оставили без изменения. Её серый цвет и без того был мрачным. Чемоданчик с «медицинским камуфляжем» я оставила в модуле.

Прежде чем навестить майора Генриха Линкера, решила «зачистить» территорию Грачёвки от последующих воспоминаний обо мне. Слухи в сельской местности распространяются быстро и надолго остаются в коллективной памяти людей. Последствия, даже при возмущённом состоянии политического фона, могут стать печальными для будущего. И временной фактор может не справиться со сглаживанием «раковой опухоли» искусственного происхождения. Мне только не хватало временной перепластовки! Для провала экспедиции! Тулов, за моё поведение в прошлом, по головке не погладит. Пока не поздно нужно замечать следы...

29

...По старому смоленскому тракту на восток ползли грузовики с солдатами, танки, конные упряжки с пушками, полевыми кухнями и ящиками с боеприпасами. Иногда можно было увидеть легковые автомашины с офицерскими чинами. Всё это с трудом въезжало на холм, в селение, и без остановки, по заполненным жидкой грязью колеям ускользало в конце деревни вниз, в вечерние потёмки. А впереди, над сплошным маревом низких облаков, мерцали едва заметные сполохи, словно августовские зарницы. Там, под Москвой, шёл жестокий бой...

Сырой и холодный ветер со злостью выдувал из Грачёвки бензиновый запах и сизый чад, оставленный проезжавшей техникой. Север потихоньку протягивал к деревне снежные щупальца, которые вели вместе с капельками дождя первую разведку, для неумолимо приближающейся зимы...

Правая сторона Грачёвки для немецких солдат выглядела более привлекательной. Большие и относительно уютные дома сельчан были заселены солдатами из батальона связи и интендантского взвода. В этих домах военные техники установили временное электрическое освещение, производимое дизельной электростанцией, работавшей в тёмное время суток. Кроме дизеля, у отдельных домов, монотонно работали бензиновые моторчики, обеспечивавшие энергией связистов, госпиталь и дом, оставленный хозяевами, в котором проживал комендант гарнизона майор Линкер.

Военный патруль, прогуливавшийся вдоль забора, бдительно охранял покой оккупантов. У дома Симоновых находился стационарный пост. Что бы попасть к коменданту, необходимо было миновать дощатую будку, в которой стоял молодой солдат с автоматическим оружием. Появляться перед Линкером, минуя стражу, как перед тётей Агриппой, было не безопасно. Здесь требовалась официальность...

Я открыла скрипнувшую калитку у дома Фроловых и подошла к уже знакомым мне ступенькам. Из окон дома пробивался яркий электрический свет. Смело постучала в дверь...

Рослый пожилой солдат, пахнувший дешевым одеколоном и сапожным кремом, отворил дверь и молча впустил меня в освещённый керосиновой лампой коридор. Смешно прищурившись, он стал рассматривать меня, буквально с ног до головы.

– Ты есть кто? – спросил солдат, закончив поверхностный осмотр незваной гостьи.

– Фрау Николь Депрези де Фо, – по-немецки, но с французским прононсом ответила я.

Солдат немного помолчал, а затем, открыл дверь в дом и пригласил войти.

В доме светло и очень жарко. В просторном помещении без перегородок находятся ещё трое военных и знакомые мне Анастасия Филимоновна и Танюша Фроловы.

Солдаты, в том числе и ефрейтор Липке, сидят в левом углу за широким квадратным столом и ужинают. Над ними сияет прикреплённая к потолку электрическая лампочка. Справа располагаются четыре дощатых топчана с тюфяками и серыми одеялами. Верхняя форменная одежда аккуратно развешена на стене. Карабины и автоматы покоятся в пирамиде, в центре комнаты.

Хозяева дома Фроловы ютятся на низеньких табуретках по другую сторону натопленной печи – чистят картофель. От печи исходит неистовый жар.

- К нам пришла прекрасная незнакомка, – сказал встречавший меня немец. Трое за столом одновременно прекратили трапезу и обернулись.
- Ефрейтор Липке первым остановил начавшую развиваться «сцену молчания».
- Шпрехен зи дейч?
- Я хорошо говорю по-немецки.
- Пожалуйста, назовите себя и скажите, что вам нужно.
- Николь Депрези де Фо. Врач. Меня разыскивал господин Линкер.

Мужчины помолчали, не приступая к еде, но и не встали из-за стола, чтобы представиться. Как никак, перед ними незнакомая женщина.

- Таня! – крикнул ефрейтор.
- Танюша Фролова выбежала из своего угла и остановилась рядом со мной.
- Таня, эта фрау проводить к гер Линкер!
- Да! – негромко сказала женщина и робко кивнула, осеняя себя крестом.

Ефрейтор и солдаты одновременно приступили к ужину и уже не обращали на меня внимания. Встретивший меня немец с равнодушной миной на лице присоединился к компании.

Перед уходом из дома я «заглушила воспоминания» обо мне у присутствующих, в том числе и у Анастасии Филимоновны.

Танюша не произнесла ни слова за время пути к дому Симоновых. Но её присутствие рядом со мной позволило беспрепятственно пройти до господина коменданта. Часовой у калитки лишь взглянул на меня, сверкнув в лицо лучиком карманного фонарика.

Поднявшись по ступенькам, мы попали в просторную, совершенно пустую террасу. Тщательно вытерли обувь о тряпичный половичок, лежащий перед тяжелой дубовой дверью, и вошли в помещение, которое можно назвать прихожей и кухней, одновременно.

Танюша забежала вперёд и торопливо открыла передо мной застеклённую дверь, ведущую из служебной половины пятистенного дома в «жилой сектор».

Похоже, что Симоновы, являвшиеся хозяевами жилища и уехавшие до прихода немцев, были не простыми крестьянами. Их дом отличался от других чистотой, наличием фабричной мебели и украшений на стенах. Коврики, копии картин, портреты родственников в застеклённых рамках, несколько полок с книгами. В углу стоит небольшой столик с патефоном. На круглом столе в центре комнаты возвышается причудливая ваза синего стекла, с букетом из кленовых веточек с жёлтыми и красными листьями. Справа, за перегородкой, находится спальня с высокой кроватью, трюмо и прикроватной тумбочкой. Там же возвышается массивный платяной шкаф, украшенный причудливой резьбой по дереву.

Сканирую тёмную комнату, являющуюся продолжением спальни. Ничего интересного там не обнаруживаю. Возвращаюсь в гостиную.

Слева у необычной печи, представляющей собой одновременно камин и голландку с плитой, на массивном диване, полулежит комендант Генрих Линкер. Одет по-домашнему – в тёмно-коричневую пижаму и роскошные шлёпанцы. Явно не из гардероба коменданта. Широкая марлевая повязка «украшает» длинную шею нового хозяина дома. Лицо коменданта, поху-девшее и бледное, выглядит по-арийски суровым. Светло-голубые глаза печально взирают на пляшущие языки пламени. Тонкие руки, с длинными пальцами нервно подрагивая, тянутся к теплу. Линкер с бумажным шелестом потирает друг о дружку сухие ладони и изредка касается ими тщательно выбритых щёк. Это, похоже, доставляет ему удовольствие. Однако замечаю, рана, полученная от юного русского лейтенанта, причиняет немецкому майору некоторые неудобства. Линкер при касании ладонями к щекам осторожно вытягивает и без того длинную шею и еле заметно щурится.

Танюша бесшумно выходит из комнаты и осторожно прикрывает за мной дверь. Я успеваю «заретушировать» её память...

Генрих Линкер медленно поворачивается и встаёт, опираясь на спинку дивана. Густые светлые волосы, слегка вьющиеся и разметавшиеся во все стороны, он осторожно поправляет свободной рукой. И улыбается...

Немец, при ближайшем рассмотрении, – вполне симпатичный мужчина. Выше среднего роста, стройный и широкоплечий. В молодости, он, вероятно, занимался лёгкой атлетикой, спортивной гимнастикой или фехтованием. И «древо жизни» этого офицера, скорее всего, состоит из представителей интеллигенции. Возможно – служителей муз, учёных, писателей. Но никак не из военных.

Общую картину портит то, что стоящий передо мной немецкий интеллигент находится не у себя дома. Он пришёл, на эту бедную и несчастную землю, не в гости. Его никто не звал в Россию, в это маленькое селение, в этот, по меркам того времени, благоустроенный дом, хозяева которого спешно ушли, спасаясь от «цивилизованных» варваров.

Что бы сделать богатыми и счастливыми своих соплеменников, он, как и многие тысячи солдат Рейха, наполнив горем всю благословленную Европу, убивал, насиловал, грабил и унижал себе подобных. Здесь, в этой стране, он – враг...

– Комендант гарнизона майор Генрих Линкер, – представился по-русски офицер «несокрушимого Вермахта», еле заметно кивнул, приняв стойку «смирно», и сдвинул пятки, от чего домашние шлёпанцы произвели звук треснувшей ветки. Если бы майор был в форменных сапогах, щелчок был бы очень эффектным и, несомненно, произвёл бы некоторое впечатление на даму. То есть, на меня.

– Николь Депрези де Фо. Врач. Беженка. Родом из Франции. В России нахожусь в командировке. Работала в Бородино. Изучала историю Отечественной войны 1812 года.

– Беженка? Это что? или кто? – спросил Линкер.

Перехожу на немецкий и пытаюсь объяснить майору термин, который мне самой не очень понятен.

– Беженка, это лицо женского пола, вынужденно покинувшая место постоянного или временного проживания в связи со стихийными бедствиями, эпидемиями или, как в данном случае, оккупацией территории иностранными войсками.

– А вы, миледи, от кого бежите?

– От германских войск. И вообще, от войны.

– Да-да! – задумчиво говорит Линкер и тут же предлагает мне снять верхнюю одежду и присесть на один из стульев, стоящих подле круглого стола.

Не скрывая любопытства, оглядываюсь и замечаю на стене около двери самодельную вешалку. Снимаю и вешаю на деревянные крючки куртку и шляпку. Сапожки поменяла на тапочки, женские, судя по размеру.

Линкер остаётся на месте и наблюдает за мной.

Когда я оборачиваюсь, он виновато улыбается, разводит руками и говорит:

– Извините! Мне следовало бы помочь вам снять верхнюю одежду. Не сразу сообразил. Располагайтесь.

Присаживаюсь на стул.

– Я уже отужинал, фрау Депрези. Но вас хочу угостить чем-нибудь. У меня имеется неплохое вино. И я выпью с вами немного, если вы не возражаете составить мне компанию?

Фраза произнесена по-русски, с некоторым артистизмом и с претензией на «высокий штиль».

– Не возражаю.

И это было правдой, так как мой желудок, как обычно, перед выходом в «иные среды», пустовал и требовал «балласта».

Более не говоря ни слова, Линкер снял со стола вазу с кленовыми ветками, осторожно водрузил её на подоконник и на минуту вышел в кухню-прихожую. Скоро на столе появи-

лись тарелки, большая фаянсовая чаша с отлично выглядевшими яблоками и тёмного стекла бутылка с вином. На бутылке отсутствовала этикетка и её содержимое, похоже, пробовали. Пробка в горлышке сосуда уже извлекалась, и уровень жидкости в нём был несколько ниже нормы. Потом Линкер принёс вилки, ножи и два симпатичных хрустальных бокала. Возле моей тарелки он положил вилку слева, нож справа. Свою пару небрежно бросил на стол и подошёл к печной плите. Из низкой эмалированной кастрюли на моё блюдо переключались два приличных кусочка обжаренного мяса. Себе он положил один, очень маленький. От мяса исходит одурманивающий аромат. У меня, возможно, потекли слюнки. Я не сдерживаюсь и делаю судорожное глотательное движение. Линкер замечает это и сочувственно улыбается. Из кастрюли поменьше майор извлекает румяные кусочки картофеля и красиво размещает их возле мяса. Аппетитный дурман усиливается. В принесённой из кухни хлебнице лежат тонко нарезанные ломтики чёрного русского хлеба. Хлеб свежий и источает свой, неповторимый экзотический аромат.

Я, скорее всего, выгляжу перед офицером, бродяжкой, не имевшей во рту и маковой росинки последние два-три дня. А Линкер это использует – демонстрирует яства не торопливо, словно наслаждаясь моими, трудно сдерживаемыми эмоциями...

Закончив сервировку стола, Линкер на секунду замирает, соображая, что нужно сделать ещё, дабы удовлетворить гостью. Вспомнив, подходит к маленькому столику с патефоном, роется в коробке с большими чёрными дисками-пластинками и, наконец, извлекает оттуда то, что искал. Пристраивает пластинку на бархатном круге патефона, крутит блестящую никелем ручку на аппарате и бережно ставит на диск никелированный динамик с иглой...

Музыка! Волшебная музыка пробивается сквозь волнообразное шипение диска и наполняет пространство комнаты звуками, чарующими и ввергающими в иной иллюзорный мир далёкого прошлого. Прекрасного и загадочного...

Синтетическая «звуковая мишура» времени, недавно покинутого мной, сочиняемая под настроение индивидуума, нуждающегося в усилении эмоционального психостатуса, несколько избаловала мои вкусы, да и всех жителей галактики. К мелодическим пассажам, «изобретаемым» синтезаторами в домашних условиях, поющая волшебными звуками музыка древних не имеет прямого отношения. У них это «чудо» рождалось в великих муках для массового потребления. И оно использовалось жителями планеты долгие годы с момента его сочинения. Со временем классические сочинения утратили былое значение. Они незаметно растворились во времени и пространстве. Так прекрасно для утончённой человеческой души уже никто не сочинял. То, что мы имеем, и называем музыкой, стало обычным «суррогатом», вроде чашки кофе по заказу потребителя. Кофе чёрный, со сливками, с сахаром, по-турецки и так далее. А здесь – превосходное, нетленное и для всех сразу!

– Узнаёте? Григ! Ария Сольвейг...

Я робко киваю.

Конечно же – Григ! Гений, о котором я ничего не знаю. Один из тысячи полузабытых в далёком будущем гениев древнего мира...

Что бы вести беседы о музыке, о литературе и прочих душевно-психологических и творческих изысках в этом времени, моим современникам, будущим путешественникам в прошлое, придётся получать дополнительное специальное образование. Иначе – фиаско!

– Давайте попробуем вина. За знакомство!

Линкер наполняет бокалы.

И вино источает чудной аромат. Виноградная лоза и знойное лето...

И, чёрт меня возьми, я почти готова принять мужские ласки от этого красавца, если, вдруг, он примется предлагать мне такой «бартер». Об этом я подумала минуту спустя, когда господин майор, томно улыбаясь, нежно цокнул своим бокалом о мой. Но «глупые женские мысли» улетучиваются, когда Линкер торжественно изрекает:

– За победу великой германской наций! Прозит!

Я не поставила бокал на стол. И не плеснула мужчине вином в лицо. Я сделала несколько глотков и закусила мясом. Красное вино к мясу – в самый раз. А потом сказала:

– Вы так уверены в своей победе, господин майор?

– Да, фрау Депрези! И вы в этом убедитесь! Очень скоро наши войска будут маршировать по Красной площади! Я не стану убеждать вас в обратном. Это же очевидно!.. Как вам вино? Понравилось?

– Приятное, – отвечаю я, поглощая мясо с картошкой.

– Я не знаток вин, но и оно мне понравилось. Это из запасов партийных руководителей города Смоленска. У советских большевиков не плохой вкус. Что за марка, определить не могу. Возможно – французское. Или из крымской коллекции.

Не обращая внимания на воркование Линкера, я съедаю всё, что было на тарелке, запивая остатками вина. Внутри у меня потеплело. Кажется, я начинаю привыкать к застольям у «аборигенов» двадцатого века с поглощением спиртных напитков. Впрочем, пора брать бразды правления в свои руки. Не сидеть же с этим «сверхчеловеком» допоздна.

– Спасибо за угощение, господин майор!

– Может быть ещё вина?

– Спасибо! Нет! Я хотела бы узнать, зачем я понадобилась господину майору? Может быть, как врач?

Линкер отпивает из бокала глоток рубинового напитка и пристально смотрит на меня. Пытается прочесть мысли? Нет. Он играет роль человека высшей расы. Незаметно, даже для хозяина этих светло-голубых пятнышек под белёсыми ресницами, от германца потекло «излучение» уничижительного пренебрежения к «особи» женского пола, созданной Всевышним по своему образу и подобию, но «худшего» качества, не из самого лучшего адова ребра. Не смотря на мою молодость и привлекательность, и то, что французы и немцы живут по соседству, и наши древние предки, когда-то сидели на одном дереве, он унижал. Я чувствовала «стальную» арийскую мощь. Она, по мнению гота, более совершенна, чем доброта и простота почти побежденных славян, и более полезна для Рейха, чем романтические «преlestи» франков для поверженного ниц Парижа...

Впрочем, я фантазирую...

– Я узнал, фрау Депрези, что вы существуете в этом мире. Что вы занимаетесь врачеванием сельских больных и, кажется, преуспеваете в этом. И захотел с вами познакомиться. Доктор Бауэр, наш военный Эскулап, с моего позволения, пользует некоторых жителей деревни. По мере возможности помогает больным. И он очень удивился, когда узнал о вашем параллельном шефстве над тяжело больной женщиной. По его словам, пациентка должна была содержаться в реанимационном отделении хорошо оборудованной клинической больницы. Диагноз он ставил весьма неутешительный. Но вот, появились вы, и эта несчастная уже выздоравливает. Если, конечно, здесь не имеет место факт симуляции болезни. Но я доверяю лейтенанту Бауэру. Ему и моему помощнику ефрейтору Липке я поручил отыскать вас и пригласить ко мне. Ничего дурного я вам не сделаю. Ни как мужчина, ни как «завоеватель чужих территорий обитания». На этот счёт не беспокойтесь.

Линкер встаёт и степенно выходит на середину комнаты.

– Мне не повезло, фрау Депрези, в такой эпохальный момент для нашей армии и для великой Германии. В данное время я должен находиться на передовой линии фронта и вести своих солдат к столице русских. И будет обидно, если мой батальон войдёт в главный город русских без меня. Из-за ранения мне поручили исполнять обязанности коменданта гарнизона в этой деревне. Другой бы позавидовал – ранен, но не убит. И место относительно спокойное. И Москва от меня никуда не денется. Но, всё-таки, первым – почёт и уважение.

Мне нечего было сказать на это «обделённому» судьбой коменданту. Но он и не ожидал моего сочувствия и комментариев к сказанному. Он просто рассуждал вслух.

– Кстати, фрау Депрези, я хотел бы узнать, почему вы «бежали» не в сторону Москвы. Если вы вышли из знаменитого для французов Бородино, то получается, как раз наоборот. Вы двигались на запад.

– В сторону Парижа, – сказала я, изображая улыбку.

– Резонно. Но, по оккупированной территории – это невозможно. Вы ещё ребёнок. Вы умрёте по пути на родину. От голода, холода – впереди зима; от мародеров, гуляющих по лесам и уже именующих себя партизанами; от изголодавшихся по женщинам немецких солдат. Да мало ли от чего можно сгинуть в этой стране. Похоже, у вас и документов, удостоверяющих личность, нет.

– Нет, господин майор.

Между прочим, по поводу таких документов я даже не подумала. А ведь паспорт и какие-то там справки в этот период были просто необходимы каждому человеку.

– Ну вот! – сказал Линкер, спокойным голосом. – Бумаги, наверное, потеряли или оставили в Бородино. Если оставили, то их можно поискать в доме, в котором вы проживали.

– Они сгорели вместе с подбитой машиной, на которой я ехала на запад, – начала я выдумывать легенду для коменданта.

– И ещё вопрос. Где вы обитаете в данное время? После прихода наших войск?

– В соседней деревне. Названия я не помню. Это рядом, – я показала рукой в сторону, где находилось предполагаемое селение.

Линкер усмехнулся.

– Я тоже не могу запомнить их названия. Они практически не выговариваемые. Ну да ладно. Теперь по существу вопроса, по которому я вас и разыскивал.

Линкер прошелся за моей спиной и снова сел за стол. Глотнул из бокала.

– Если вы действительно занимаетесь врачебной практикой, то, что за медикаменты вы используете при этом? Они что, действительно так эффективны? Или вы вводите своих пациентов в заблуждение?

– И поэтому они выздоравливают, – съехидничала я.

– Я не собираюсь вас допрашивать, фрау Депрези. Но, возможно, вы знаете, какие-то секреты, которые могли бы стать достоянием Рейха. Руководство страны и сам Фюрер с большим интересом относятся к всякого рода аномалиям, естественного или искусственного происхождения. Даже коллекционирует их. Изучает и пытается понять это «нечто», порой необъяснимое с точки зрения современной науки. Фюрер благосклонно относится к людям, имеющим аномальные способности. Или к тем, кто знает, что-либо о необъяснимых явлениях, артефактах и прочих чудесах. Наша планета просто кишит этими неразгаданными тайнами...

Надо же куда повело моего собеседника! Не ожидала от военного такой прыти. Ну, что же, придётся продемонстрировать Линкеру маленькое «чудо», а, потом, стереть из памяти всю ту чепуху, что я покажу ему...

Или этого делать не стоит?

Боже! А мен-о куда несёт! Нельзя же издеваться над человеком! Тем более что он вполне приличный мужчина. Если не брать во внимание его происхождение, политическое мировоззрение и безразличное отношение к юным «красавицам», почти соглашающимся остаться наедине с ним, на всё тёмное время суток...

Я снова ёрничаю, но уже в свой адрес...

– У вас серьезное ранение, господин майор? Оно вас беспокоит. Хотите, я вылечу вас? Прямо сейчас?

Линкер опешил.

Он, вероятно, придумывал новые веские аргументы в пользу своих доводов по выявлению очередного Чуда для Великого Рейха. А тут мой, не до конца обдуманый «демарш».

Осторожнее, Николь! Ведь ты «беседуешь» не с Морисом Руа...

Допив остатки вина, Линкер некоторое время смотрит на мои руки, на волосы, на одежду. Потом начинает монотонно задавать вопросы, на которые мне не хотелось бы отвечать.

– Фрау Депрези, где вы достаёте дорогие духи, качественные шампуни? Кто делает вам маникюр? И у какого парикмахера вы были примерно дней пять тому назад? Где вы приобрели эту, такую симпатичную кофточку из прекрасного материала? И почему в этой деревне с трудно выговариваемым названием у вас ещё не отобрали золотую цепочку с кулоном и прелестный перстень с изумительным сапфиром?

Кулон, украшавший меня, вещь дорогая, но является лишь украшением. А вот перстень со стразом сапфира и пультом связи с модулем – моя охрана, мой транспорт, моя жизнь...

– У меня состоятельные родители в Париже, господин майор. А с хозяевами, приютившими меня, я рассчитываюсь сполна. И они не претендуют на мои ценности и моё благополучие. К тому же у француженок в крови заложено себялюбие. Неужели и-а вашего появления здесь я должна опускаться до состояния троглодита?

– Хорошо. Я не буду вступать с вами в полемику. Но, в изученных мной окрестностях, я не обнаружил отелей и замков, где бы вы, поддерживали себя на должном уровне. В Грачёвке вас видели ещё до нашего прихода сюда. Следовательно, вы здесь находитесь более месяца. За этот период вы и ваша одежда должны были пропитаться сыростью, грязью, запахом навоза. Обитая в хижинах местных жителей не мудрено обзавестись и вшами. Руки у вас должны быть с обломанными ногтями и мозолями от работы на ваших покровителей. Поверьте, даром вас вряд ли кто будет кормить! И ваша верхняя одежда, совсем не похожа на тот костюм, в котором вы впервые появились перед моей служанкой Таней. Это она вас привела ко мне. В первый день появления в Грачёвке у вас не было с собой багажа. И причёска у вас была другая.

– Вы хорошо информированы. И с вами трудно спорить. Да и не к чему!

– Это моя работа, фрау Депрези. Прибыв сюда, я первым делом наладил связь с местным населением и узнал многое, необходимое для нашей безопасности в военное время. Информация о населении не представляет большой ценности. А вот вы меня заинтересовали. Особенно после сообщения лейтенанта Бауэра.

– Вероятно, о посещении тёти Агриппы.

– И ещё одной семьи, где внезапно перестали пить самодельный шнапс два хронических алкоголика. Один из них, получивший в финскую компанию серьёзную контузию и, в довершение к ней, прогрессирующую эпилепсию, внезапно выздоровел. А два дня тому назад исчез из деревни, попутно прихватив с собой отцовский дробовик и четверых молодых парней. Теперь будем ожидать диверсий со стороны местных партизан.

– Господин майор, уже поздно, и мне не хотелось бы задерживаться у вас. Я повторяю свое предложение о быстром лечении вашей раны.

– Надеюсь, вы не шутите, фрау Депрези?

– Будем считать, что вы дали мне согласие. Оставайтесь на своём месте, не волнуйтесь. Через секунду вы можете снять повязку, за ненадобностью...

Над «окаменевшим» Линкером пришлось работать около получаса. Повреждённую сонную артерию я восстановила быстро. Русскому лейтенанту следовало выстрелить на пять миллиметров левее, и эта встреча не состоялась бы. Отшлифовала внутреннюю полость кровотока вместе с наложенной «заплаткой». Мышечную ткань пришлось очищать от химических ожогов лекарством, аналога сухого стрептоцида. Соединение волокон, после чистки прошло быстро. Кожный покров склеила с помощью аппарата биосварки. Повязку с шеи пациента я не снимала. Кто его знает, этого господина Линкера!

Хроностат выключила мгновенно. И, одновременно, «выкрала» сиявший над челом «злого ангела» нимб...

Линкер дёрнулся, прищурил правый глаз и осторожно погладил марлевую повязку в районе раны.

– Нет, фрау Депрези, я уж как-нибудь с доктором Бауэром завершу своё лечение. Он, хоть и молодой врач, но имеет большой опыт в зашивании дырок на солдатской шкуре.

– При такой интенсивности лечения время заживления подобных ранений обычно длится месяца два. Да и шрамы остаются на всю жизнь. А у вас, господин майор, ничего под повязкой нет. Вас уже можно признать симулянтом.

– Неужели вино ударило вам в голову, фрау Депрези! Или вы устали от моих подозрительных вопросов? Конечно же, я не верю во всю эту чепуху с колдунами и артефактами. Но в нашем ведомстве имеется один интересный приказ, который рекомендует офицерам Вермахта обращать внимание на всё необычное. Вот я и отработал вас, как возможного кандидата в маги. Где вас можно найти, фрау Депрези? Сегодня мне не хочется больше мучить вас своими подозрениями.

– Вы найдёте меня через тётю Агриппу.

– Прекрасно.

– Благодарю за угощение, господин майор! До свидания!

– Заходите, фрау...

Я оделась и вышла...

Тонкая нить Индивидуального пространства безмолвно поглотила меня и перенесла в модуль... прямо из прихожей.

Грачёвка во всех ипостасях уже погружалась в тревожную ночь. Природа активно работала над завершением осеннего периода.

Сельчане с нарастающей тревогой думали о завтрашнем дне.

Немецкие солдаты грезили о скорой победе...

А я смотрела на всё это с высоты птичьего полёта, как чрезвычайный уполномоченный посол Отца, Сына и Святого Духа...

30

Несильный мороз медленно сковал напитанную влагой землю, а, затем, укрыл её толстым снежным саваном. Дорога же по-прежнему выделялась чёрной лентой, изуродованной гусеницами танков. По ней, как по артерии, продолжали течь к Москве колонны военных машин. Изредка появлялись гужевые повозки, где тягловой силой были не только лошади-тяжеловозы, но и диковинные в этих краях длинноногие верблюды. Ещё реже можно было увидеть колонны пехотных подразделений.

Над заснеженными крышами домов висели размытые дымные «грибы». Немцы постоянно топили печи и почти не выходили на улицу. Дрова, заготовленные крестьянами на зиму, быстро закончились и для «выработки» тепла солдаты использовали заборы, лишние перегородки в домах, сараи и даже собачьи будки. Пошли на дрова и деревья, так красиво обрамлявшие заиндевевшими кронами, сельские палисады и улицу вдоль смоленского тракта. К середине декабря Грачёвка выглядела «раздетой» почти донага.

Личный состав подразделения комендатуры несколько раз обновлялся. Из постоянных военных оставались лишь майор Линкер и ефрейтор Липке. Отправили на линию фронта и лейтенанта Бауэра. Он попрощался с выздоровевшим комендантом гарнизона и уехал из его памяти навсегда...

31

Серебряный амулет Агриппы оторвал меня от текущих дел и позвал на свежий воздух.

Зимнюю одежду, испытанную мной в Тибетских снегах, мы с Уитни так же решили немного «состарить» и основательно «обтрепать». Короткие валяные сапожки с чёрными из жжёной резины калошами пришлось «согласовывать» с альбомом. «Старые» шерстяные брюки, серый свитер, из дублёной овечьей шкуры полуботок грязно-коричневого цвета и мою любимую вязаную шапочку лишь слегка «припудрили», согласно историческому моменту.

От чистого снега на улице стало светло. Даже при только что начавшихся сумерках. Я огляделась и вышла не далеко от избушки Агриппы. Не останавливаясь, свернула с изуродованной танками дороги на тропинку, ведущую к дому.

Женщина стояла возле входа в дом и смотрела, как я «кувыркаюсь» на скользком утрамбованном снегу и пытаюсь пройти короткую, но трудно преодолимую дистанцию.

– Впервые, что ли, сне-о видишь? – проворчала Агриппа, помогая мне удержаться на обледеневшей площадке перед входом. – Знала бы, дорожку песочком посыпала.

Я отступила к обочине, в скрипнувший под ногами сугроб. Здесь было легче держать равновесие.

– Не впервые, но давно не испытывала себя в качестве пешехода по обледеневшим дорогам. Да и обувь, не совсем подходящая...

– От чего же? Обувка у тебя, Наташенька, самая, что ни есть – подходящая. Хоть и замаскировала ты её под навоз, но выглядит совершенно новой.

Вот «прохиндейка» и это заметила. Вернусь на базу, обязательно обращусь к Тулову с просьбой о пересмотре проекта Инструкции для хроноскопистов и разведчиков. Будут «выныривать» в прошлом, пусть одеваются в местных магазинах. В крайнем случае, пусть раздают аборигенов. Конечно же – не бескорыстно. Иначе – провал и неотвратимая переплата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.